

Библиотека
журнала
ЦК ВЛКСМ

**МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ**

49 • 1983

Валерий МИТРОХИН

ЗАМАНА

Молодой симферопольский прозаик Валерий Митрохин уроженец Крыма. Ему хорошо знакома природа этого одновременно степного и горного края. Очевидно, как в природе живописного полуострова, так и в таланте соединились две противоположности — проза Валерия мягкая и по-южному мелодичная несет в себе строгое, я бы сказал, суровое жизненное содержание. Стремление с полной мерой сердечного участия рассказать о том, как подчас непросто бывает отстоять в жизни свои праведные принципы, как подчас нелегко стоять за правду и как необходимо, несмотря на все трудности, хранить верность человеческому и гражданскому долгу, — в этом, пожалуй, характерные черты прозы Митрохина. В начале творческого пути вряд ли стоит делать широковещательные заявления о «высокой степени одаренности» начинающего свой нелегкий путь писателя и заверять читателя в его «хорошем будущем». Думаю, правильнее выразить надежду, что Валерий Митрохин в своих убеждениях сохранит свойственную ему, судя по повести «Замана», твердость и к слову будет относиться с тем же тщанием. Надеюсь, что время подтвердит наши надежды...

Евген ГУЦАЛО

Библиотека
журнала
ЦК ВЛКСМ

**МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ**

49 . 1983

Валерий
Митрохин

Замана

Повесть

Москва
«Молодая гвардия»
1983

Художник Галина БАЧУРИНА

Адрес редакции: 125015, Москва, А-15, Новодмитровская ул., д. 5а.

**© Издательство «Молодая гвардия»
Библиотека журнала ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1983 г.
№ 49 (104)**

Три дороги и тропа

*Алексею Храброву,
стражу крымского леса*

Гора эта красива.

Пологие, кажущиеся легко преодолимыми склоны поросли высоким смешанным лесом, кружевная сень которого зовет войти, раствориться в ней, дышать ароматом древнего тиса, слушать шорох в дубняках, забыться оглушенному покоем у изножья бука, корни которого, причудливо переплетясь, выпирают из почвы и напоминают застывших в причудливом танце доисторических змей. Но захочется солнца, и ты устремляешься дальше. А когда, взмокший от незаметно охватившей тебя усталости, пропитавшийся горьким, хмельным духом опавшей хвои, преодолеешь пространство сосняков да кедровников, еловых и можжевельников зарослей, густо укрывших подступы к розовым почти отвесным скалам, пахнет на тебя яйлой*.

* Я й л а — платообразное горное пастбище в Крыму.

Укрытое высоким разнотравьем плоскогорье быстро вернет твоему расходившемуся сердцу равновесие, ногам — казавшуюся надолго утраченной способность идти, телу — упругую надежность и выносливость. Глядя на белоснежные соцветья тысячелистника, вбирая в легкие дух лимонника, стебли которого напоминают необычайно длинные безостые колосья с солнечными язычками цветов, аромат чебреца, покрывающего шапками муравьиные кучи, захочешь говорить о важном и святом, о добре и любви, о бесконечности времени и безбрежности пространства, о бессмертии и красоте...

Три дороги и тропа ведут к вершине горы Замана.

В незапамятные времена, когда гора была совсем еще молодой и, значит, более высокой, жили в долине три брата. Старший был высок да широк, словно бук столетний. Он обрабатывал землю: пахал, сеял, жал, молотил, носил зерно в закрома... Круглый год работал без отдыха. Но если выпадал свободный денек, уходил на берег реки Сутеры, умывался в ней и мокрыми руками, словно пух тополевыи, собирал в небе облака. Уложит их в стог, уляжется на него, раскинется, уставит на солнце свои золотые глаза и молчит. Может, ему и хотелось что-то сказать светилу, ибо любило оно его за силу и трудолюбие, помогало ему выращивать урожай. Но старший брат всегда молчал, поскольку не умел разговаривать. Солнце гладило его желтые кудри и бороду, отчего они становились шелковистыми и сверкали так, что глядеть на них было невозможно.

Младший брат был пастухом. День и ночь не расставался со своими стадами, отарами, табунами. Он не был таким высоким, как старший. Коренастый, словно старый куст можжевельный, с виду неуклюжий, на коротких своих ногах он поспевал ко всем стадам, табунам, отарам, потому что бежал быстрее ветра — проносился над землей веленой тенью, потому что борода и волосы у него были зелены, как хвоя. Скучно было речке Сутере бесконечно говорить самой с собой. Как только пастух пригонял стада на водопой, она всякий раз окликала

его, но тот не отвечал ни словом. Возможно, он и заговорил бы с доброй Сутерой, если бы слышал ее голос. Глухим был пастух.

А что же средний брат, просто человек? У него дел тоже хватало. Он следил за тем, когда можно бросать зерно в пашню, когда начинать жатву; он лечил скот, если случался мор; он готовил братьям еду; а когда выпадала свободная минута (что бывало очень редко), шел на луг собрать цветов, сплести венок для Малиновки, дочки доброй Сутеры.

Когда Малиновка выросла, случилась беда. Стала пересыхать Сутера. Гибли стада, поля и сады задыхались от жажды. Послала Сутера Малиновку к братьям. Бросился на зов средний брат.

— Поднимись на гору, человек, тяжелый камень упал со скалы, закрыл родник, воду которого я несу в долину. Сними камень с источника, иначе никогда больше не родить земле хлеб, не ходить по земле табунам, стадам, отарам,— едва слышно прошептала речка.

— Ладно,— ответил человек и пошел задумавшись. Знал, что с братьями он быстрее и легче отвел бы неожиданную беду. Но где ему искать их? Старший совсем забыл отдых — собирает на небе тучи, выжимает из них над полями влагу. Понимает средний брат, что скоро кончатся над землею тучи, негде будет взять и капли воды. Но разве же поймет брат, ослепленный горем, что надо спешить на гору, к роднику? Разве способен он теперь подумать о будущем, занятый сиюминутным?

Младший брат погнался в отчаянье стада, табуны, отары по земле в поисках новой реки. Попробуй догони его, летящего быстрее ветра, попробуй докричись до него, неспособного слышать!

Пошел человек к подножию горы, а следом — задыхающийся голос реки.

— Спешу, пока не поздно, пока не погиб источник, придавленный камнем!

Хотел человек поискать более пологий склон, чтобы, поднимаясь на гору, сохранить больше сил. Знал, что отдыхать некогда будет. А родник от камня освободить дело нелегкое.

Да куда там! Нет времени искать пологий склон. Пошел человек напрямик. Идет и радуется. Не искал легкого пути, вот он сам подвернулся, этот пологий склон. Вошел в лес, дышит ароматом тиса, слушает кольчужный шорох дубняка, увидел изножья величественных буков, и захотелось ему прилечь в прохладе, забыться. Но летит едва слышный голос умирающей Сутеры, гонит человека все выше. Вот уже пахнет горько-хмельной хвоей. Долетает дух разнотравья с яйлы. Скоро вершина, думает человек, а сил у меня много. Хватит, значит, сил камень своротить. Только подумал об этом, как встали перед ним отвесные скалы, последняя преграда к вершине горы. Заманила она его легким началом пути. Ничего, сил еще много, решил человек, преодолею. Стал он карабкаться по усыпанным скользкой хвоей уступам. Вот уже, кажется, рукой подать до края скалы, с которой свисают, заглядывая вниз, бледные соцветья тысячелистника, сладко пахнет чебрецом и лимонником... Но срывается под ногой камешек, гремит внизу обвал. Катятся вниз, бьют обессиленную Сутеру обломки скалы, ломая на своем пути лес. Выступает из-под ногтей человека кровь, срывается он следом за обломками скалы к изножьям буков и, переведа дыхание, снова начинает восхождение...

Тридевять раз поднимался он и срывался вниз. На тридесятый успел ухватиться за склонившуюся к нему головку тысячелистника. И цветок удержал его. Каждым листочком своим, а их ведь тысяча, помог человеку, дал ему дух перевести. Вылез средний брат на краешек яйлы, припал грудью к разнотравью, вдыхает его целебный аромат, силы надеется восстановить и чувствует — не скоро станет таким же крепким, каким выходил в путь на гору. А время не ждет. Не слышать больше голоса реки Сутеры. Неужели погибла? Неужели больше никогда не колоситься в долине хлебам, не цвести садам, не ходить по земле табунам, отарам, стадам? Отер человек залитое потом лицо, оглянулся и замер. Увидел средний брат, что не зря обрывал ногти, карабкаясь вверх. Камни, что падали у него из-под ног, пробили сквозь густой лес широкую прямую дорогу. И подумал человек, что теперь этой дорогой легче будет подниматься на гору. Подумал и тут же почувствовал, как

возвращается его расхолодившемуся сердцу равновесие, возвращаются силы. Поднялся средний брат, бросился искать источник. Кинулся на север — нет родника. Побежал на восток — не увидел и признака источника. Не было его ни на южной стороне яйлы, ни на западной. Закружился человек по яйле, споткнулся о камень и понял: здесь, придавленный серой холодной глыбой, источник. Припал он к ней.

С первого раза лишь покачнул камень — тяжел и велик он. С братьями как легко было бы свернуть глыбу, выпустить на волю родник. Но где ему их искать?! Разве способен думать о будущем думающий о сиюминутном?! Попробуй догони летящего быстрее ветра, докричись до неспособного слышать?! Вдохнул средний брат троекратно, еще раз припал к горькому камню, но едва лишь с места его сдвинул. Отвалился, упал на спину, едва в слезах бессильных не захлебнулся. Не годится этак. Последнее дело — слезы. Не их черед. Я ведь лишь дважды пытался... Тридевять раз вступал в единоборство с горе-камнем человек, на тридесятый раз оторвал его от земли, хотел бросить камень подальше от себя, но вырвавшийся на волю родниковый поток опрокинул среднего брата. Упал человек, а камень — сверху. Придавил к земле, не вывернуться. Хлынувшая из сердца человека густо-алая кровь смешалась с водой, и розовая, она, крася на своем пути скалы, ринулась вниз, наполнила русло Сутеры, и та задышала. Увидела Малиновка розовую воду в реке, вскрикнула в испуге и все поняла. Бросилась вверх. Не искала дочка реки легкого пути, он сам ей под ноги подвернулся. Был он легким и коротким, потому что вел на яйлу балкой, скрытой от человеческого глаза густыми зарослями папоротника.

Человек еще дышал и глядел на Малиновку ясно. Опустилась она рядом.

— Не умирай,— заклинала она среднего брата,— без тебя не жить и мне.

Признание это вдохнуло в человека надежду, разлепил он свои окрашенные поцелуем Малиновки губы, прошептал:

— Только братья могут спасти меня...

Заметалась Малиновка по плоскогорью. Как ей позвать

братьев на выручку? Думающий о сиюминутном старший брат сейчас без устали носит из реки воду на свои поля. Летящий быстрее ветра, неспособный слышать младший брат поит свои отары, стада, табуны в Сутере. И все же решилась Малиновка. Взбежала на самый высокий выступ над ущельем, не успела оглядеться по сторонам, покачнулась и сорвалась в пропасть. Но не разбилась об острые камни, а полетела птицей. Села на плечо старшего брата. Стала ему кричать в самое ухо, звать на помощь к среднему брату. Не понимает старший брат, о чем кричит ему птица-пичуга на своем малиновом языке. Однако взял ее на ладонь, потрескавшуюся и горячую, словно почва без воды, принялся рассматривать Малиновку. Но тут ожившая после беды Сутера объяснила не умеющему говорить, но умеющему слышать, куда зовет его ее дочка. Застонал старший брат, бросился к горе, топча на своем пути, словно травку, лес. Осели под его гигантскими стопами скалы. А Малиновка полетела вдогонку младшему брату, поведшему на ожившие пастбища табуны, отары, стада. Свила Малиновка в его можжевеловых кудрях гнездо, вывела в нем птенцов. Стали они есть просить, а Малиновка их не кормит. Птенцы давай клевать младшего брата в темя. Взмолился он к Малиновке. Бросился за нею следом. Поймать хотел, да не смог. Из-под самых рук пастуха уворачивалась. Так и вывела младшего брата на яйлу. Пока поднимались они наверх, закрылись глаза среднего брата. Освободили братья человека от каменной тяжести, да поздно.

Три дороги и тропа ведут к вершине горы Замана. Широкая дорога, по которой можно подняться на гусеничном тракторе, называется Дорога Старшего Брата. Даже грузовик ее не осилит — больно велики на ней валуны да булыжники. Правда, когда две другие дороги размывает дождями, лесники рискуют по этой, каменистой, подняться на ГАЗ-66. Запасаются рессорами и едут. Или зимой, когда снег немного сгладит колею...

А вот по Дороге Младшего Брата, самой длинной, поскольку тянется-вьется по склонам серпантинном, в сухой день можно

подняться наверх и легковым автомобилем. Даже таксисты, желая заработать, иногда соглашались поднять по ней на плато жаждущих экзотики.

Дорога Риска, или Дорога Среднего Брата, третья дорога. Крута очень. Градусов семьдесят угол.

Тропою по Малиновой балке ходят туристы...

По Малиновой балке

Серафим, сойдя с троллейбуса и направляясь к Малиновой балке, увидел ее, щуплую, невысокую, с отчаявшимися глазами, тщетно пытавшуюся который день прибиться к человеческому теплу. Когда из троллейбуса вышел Серафим, собака даже головы не повернула в его сторону. К чему искушать себя еще раз? Она лишь вздохнула. Когда же пахнувшие дорогой ноги остановились рядом, поднялась, подумав, что человек решил подождать, пока собака уступит ему тропу. Отойдя немного, собака украдкой покосилась на оставшиеся неподвижными ноги и еще разок вздохнула, потянулась, на всякий случай вильнув хвостом, мол, я вполне понимаю свое положение, никому не мешаю, просто вышла прогуляться по весеннему солнышку. Но человек не двигался.

— Куда же ты?

«Не буду оглядываться...»

— Не хочешь разговаривать?

Собака заволновалась, невольно стала вспоминать давно забытое имя свое, другие — неутомимые ноги, о которые можно было потереться, у которых можно было полежать. Когда это было? А может, и не было вовсе?

— Ух, какой ты небритый. Я назову тебя Небритый. Согласен?

«Зачем он так? У меня есть свое имя, свой дом, хозяин...»

— Небритый, куда же ты? А я тебя хотел взять на кордон. Знаешь, что такое кордон?

Собака замерла и... поверила. Бросилась в чужие ноги, зажмурившись, уткнулась в ладони присевшего на корточки че-

ловека. И вспомнила! «Ну конечно же, меня зовут Небритый. А это мой хозяин. Он все же нашел меня. Как долго не приходил!»

— Небритый, хороший мой, чья же ты такая собака? Ничья? Я так и знал. Теперь ты будешь моей. Вижу, вижу, ты согласна. Ууу-умница! Ну дай мне лапу! Вот и познакомились. Я — Серафим, а ты — Небритый... Пойдем? Пойдем, собака!

«Хочу лизнуть руку! Вот она, близко! Ух, соленая и горячая какая. А в лицо, наверное, нельзя! Может, он забыл, как я любил лизать ему щеку, колючую по вечерам и нежную утром... Нет, не забыл. Ну конечно же, это он — мой отыскавшийся хозяин...»

— Вперед, Небритый. Видишь, тропа, по ней вперед. Молодец, Небритый! Хорошо, что оглядываешься, так поступают настоящие собаки!

Они вышли на тропу Малиновой балки. Был это в конце апреля. Серафим возвращался из города на Заману, неся в рюкзаке смену белья, соль, блок спичек, полученный в управлении килограмм пороха, а в сердце — любовь.

Через неделю он спустится по этой тропе на свидание с девушкой. Будет ждать ее в ресторане, томиться в углу под пальмой за накрытым столиком. Но она не придет ни через час, ни через три. Серафим пить заказанного для нее вина не станет. Он попросит у начавшего злиться официанта двести граммов коньяка. По-царски даст на чай и уйдет. Немного погуляет по ночному городу. И, вознамерившись было возвращаться домой, вдруг передумает, остановит такси, поедет к ней. Она выйдет на стук, неприбранная, растерянная, однако готовая объяснить, почему не пришла. Но он не станет спрашивать ни о чем. Он скажет, что хочет показать ей город. Она удивится, поскольку родилась в этом городе и знает его до камешка. Но тоже не станет говорить об этом. Через полчаса она выйдет и молча сядет в такси. Они долго будут нестись по пустой автострате, потом медленно петлять по Дороге Младшего Брата, пока не окажутся на плато. Шофер выйдет последним и, разминая затекшие ноги, утомленно зевая, отойдет в сторону. Да и

вамрет на полушаге, забыв обо всем. Перед ним, напоминая сказочно раскинувшееся небо, предстанет город. Целая галактика электрических звезд... Вскоре он уедет туда один, и жесткая полусотенная приятно будет хрустеть в кармане куртки.

Так будет позже, через неделю. А сейчас Серафим и Небритый идут на кордон по Малиновой балке, счастливые каждый по-своему.

Скоро зацветут ландыши, в малиновых щелях, как в вазонах, крошечные гирлянды ароматных молочного цвета капель... Я покажу ей эту красоту. Это мое место на земле... Оно станет и ее местом, если она согласится, захочет. Ей, наверное, будет смешно, что я называю этот выступ над пропастью «рестораном «Ландыш». Чего не придумаешь, мечтая в одиночестве! А может, ей не будет смешно?! Она должна быть тонкой и понятливой. И моя кличка Скрипач ей будет по душе. Ведь она не знает, что это звонкое прозвище я получил не потому, что одарен музыкально, а потому, что скриплю непрерывно. А как тут не скрипеть? Все не так у нас...

Поначалу смущало и обижало это прозвище. Наверное, я поэтому с самого начала невзлюбил Большого. Мастер он придумывать вторые имена. Как только появился, сразу же всех назвал партизанами. И то правда, мы тут как партизаны живем. Воюем с врагами природы. А сам-то Большой? Все ухватки браконьера, хотя никогда без лицензии не приезжает. А вот Безгубый обходится и без лицензий. Ничего, доберусь до него. Правда, за ним не угонишься. Крепкий шаг у Безгубого. И откуда такие берутся? Молодой же совсем. После войны родился. Вырос в хорошее время, откуда в нем столько хитрости и вредности? В школе этому не учат... Доберусь до него. Тогда и поговорим. Тогда он мне и ответит... А вдруг не захочет он со мной говорить?! Он и сейчас меня в упор не видит. Серединный человек. Перед Большим заискивает. Тот для него бог и царь. Большой это видит. Обращаясь к Безгубому, и не глядит на него. Будто по телефону указания дает. Вот и получается, что Безгубый как раз посередке — между Большим, перед которым лебезит, и мною, перед которым возносится. Няത്യко тоже

такой. Только для Нятыкко меня как бы и вовсе в природе не существует. Он срединный между все тем же Большим и Дмитрием. Не будь Дмитрий лесничим, он бы для Большого тоже не существовал. Дмитрий их сюда привез, от него они, пока охотятся, зависимы. А на охоте, да еще в горах, каждый от каждого зависит. Почему они друзья? Нятыкко — начальник автоколонны, Большой — начальник коммунхоза, Дмитрий — лесничий. Я его уважаю и за характер добрый, и за биографию боевую, и за честное к лесу отношение. Нужный он человек. Безгубый тоже нужный. Как бы там ни было — комендант стоянки. Туристы без него бы извелись. Маршруты тяжелые: три перевала не шуточки. Безгубый дело знает. Все у него отработано. Не стоянка, а мечта. Есть еще один — Писака. Братка. Среди охотников тут не принято откровенничать.

На Замане, коль пришел с ружьем в сезон, ты просто охотник, а все посты и должности остались внизу. Так распорядился Большой. Вроде верно — все должны быть равны. Со всех спрос одинаков. Я так и думал. А когда по нерасторопности Большого раненый кабан в пропасть сиганул и я сгоряча ругнул Большого, все и прояснилось. Равны-то равны, но ранг егеря и ранг Большого все же разные. Нятыкко аж побелел. Начал руками водить, что-то Дмитрию доказывать вполголоса. Пришлось от греха уйти. Продолжали без меня. А вечером, когда напились шурпы и закусили шашлыком, Большой стал обниматься, как брат старший или отец родной, говоря при этом, да так, что сразу не поймешь, всерьез это он или шутит: «Так нас и надо крыть, Скрипач, интеллигенцию гнилую! Что мы умеем? А ничего толком не умеем, когда с природой выходим общаться. А если бы этот кабан не в пропасть сиганул, а на меня или на того же Нятыкку?..» При этом его крупное белое лицо в розовых отблесках костра искажилось гримасой безнадёжности, мол, хана бы нам была. Выходило, по его словам, что я поступил правильно, отчитав его за промашку. Хотя я тогда не о нем думал, не за него боялся. Зверя стало жалко. Без пользы пропал кабан.

Безгубый спускался вниз. Он по скалам лазать мастак. Так сказал, что вепрь в лепешку ахнулся. Даже клыков не нашел.

Он любит клыки собирать. Вообще у него жадность на всякое такое собрание. Зайди к нему в палатку, чего только там не увидишь: патронные гильзы, черепки, оружие, более-менее сохранившееся, даже колчан со стрелами на стене, мощные стрелы, с древними наконечниками. Он никогда охотничий боезапас не пополняет. Порох из собранных патронов берет, свинец из пуль выплавляет. А уж клыков да рогов — куча. Говорит, что подбирает в лесу. Сам бьет зверя! Доберусь я до него. Надо! И ландыши он гребет. Правда, те, что на моем месте, не трогают. Рискованно. А в других местах обносит. Только начался сезон цветения, а ландыша уже нет. Ни яйла, а пустыня какая-то. Ландыш стóбит хорошие деньги. Внизу, в городе, еще по-божески, а вот в столицах... ничего не стоит самолетом их туда перебросить: ландыш хорошие деньги дает... Димитрий в аэропорт мотался, и не раз, пытался уговорить тамошнее начальство следить за вывозом цветов. Да куда там, кому она, эта забота, нужна, кроме нас, партизан, то бишь егерей, да лесничего? Подснежник тоже вывозится... Беда!

Как-то с Безгубым заговорил, мол, ты это дело кончай, иначе... Так тот даже не дослушал, пошел мимо, не глянув, да еще посвистывает. Безгубый! Так и хотелось схватить его, тряхнуть, чтоб зубами заклацал... Да разве ж с ним справишься? Крепкий человек. Альпинист. Всю жизнь по скалам ходит. Не нравится ему кличка Безгубый. Когда узнал, что Большой его перекрестил, сразу же усы отпустил, чтоб не так было видно... Сразу же придумал себе — в пику Большому — псевдоним: Полина. Его-то Аполлинарием звать по паспорту. И забил кликуху, что дал Большой. Туристам по душе пришлось имя Полина. Полина, Полина, а то и вовсе на французский манер Полем кличут. То и дело слышится на стоянке, на маршруте: «Поль сказал, Поль сделает, достанет, позаботится». Знали бы они, что для Безгубого главное, не обольщались бы так. Но им наплевать. Возьмет Безгубый гитару, заведет концерт на час, да все не наши песенки, девчонка на вечер и обеспечена. Меняет дур как значки. А на прощание обязательно сфотографирует. Мешок этих фоток, наверное, насобирал... Димитрий знает, что за тип этот Безгубый, а сделать ничего с ним не может. По

своей комендантской линии тот передовик. Говорят, на турбазе на доске Почета его портрет бессменно уже два года висит. Энтузиастом его там называют. Еще бы, когда есть настроение, устраивает для туристов показательное выступление на скалах. У него и по этому виду спорта разряд высокий...

А где же Небрить? Серафим остановился. Впереди в густой тени только что распустившихся папоротников возился дрозд. Он был чем-то очень озабочен. Серафима не замечал. Возился в корнях кустарника, побряхтывал. Серафим оглянулся. Теплый ветер, идущий снизу по балке, погладил ему щеки. Еще он донес до Серафима веселый голос отставшего Небритого.

Серафим, думая о Безгубом, невольно ускорил шаг и незаметно для себя быстрее обычного вышел на кордон. За сеновалом увидел — стоит ГАЗ-66. Значит, Димитрий на сеновале. Сено берут. И так досадно стало Серафиму. Берут сено, которое он прошлым летом косил, сушил, скирдовал до кровавых мозолей... А теперь Няятко прикатил готовенькое вниз спустить. И чего Димитрий так? Пусть бы сами приехали, заготовили и спускали бы вниз для своих надобностей... Небрить, весело бежавший рядом, почувствовал перемену в настроении хозяина, остановился, пропустил Серафима вперед и пошел следом, опустив голову. Серафим свернул с тропы, обошел сеновал стороной, чтобы не встречаться с Няятко, не смущать Димитрия, который решил, воспользовавшись отсутствием егеря, ублажить не насытного Няятко.

Тайна черобоя

Подниматься на Заману машиной? В мои-то тридцать три года? По доброй погоде? Безобразие! Ведь по Малиновой балке идти одно удовольствие. Полтора часа удовольствия. А для сердца какая зарядка! Димитрий и вытащил меня как-то на Заману из-за пугавшей меня одно время боли в левой стороне груди. Димитрий посоветовал: ну что, мол, тебе стоит дважды в неделю подняться по Малиновой балке?! Походи этак с полгода, пока сезон, сам себя не узнаешь. И он прав. Ходил. Лишнего веса как не бывало, сердце успокоилось... Мне бы радоваться, а я захандрил. Будто с болью из груди ушло что-то из

меня, не то чтобы привычное, а прямо-таки дорогое ушло. И стало мне еще тошнее, чем было. Махнул я рукой на ходьбу по Малиновой. А вот к Димитрию так привязался, что время от времени, правда реже, чем в пору «лечения ходьбой», появляюсь на кордоне. Через него и со Скрипачом сошелся. Занятный человек. Молчит, молчит, да как скажет! Именно этим он и заинтересовал меня. Ну а покорила нынешней весной.

В апреле это было. Димитрий, зная, что, если есть машина, я никогда не отказываюсь побывать на кордоне, позвонил спозаранку: мол, будь готов — Няятко на своем ГАЗ-66 заскочит за тобой. Няятко! Личность из разряда тех, которые неизменно вызывают у меня раздражение. Упоминание Димитрием имени Няятко меня слегка раздосадовало, но предвкушение яйлы было велико, и я, почти не раздумывая, согласился ехать. Меня совсем не интересовало, зачём Няятко поднимается на плато грузовиком. Мало ли какие дела могут быть и у самого Димитрия. Ведь своего сносного транспорта у лесничества нет. Мотоцикл с коляской да телега, в которую попробуй впряги вконец отбившегося от рук Мустанга. Ему и без телеги неплохо живется. В теплую пору — разнотравье. Зимой на каждом шагу — стога да скирды с сеном... Вот Димитрий нередко по всяческим хозяйственным нуждам и арендует на приятельских началах более солидный транспорт то у турбазы, то у таких деловых людей, как Няятко. Кто же лесничему откажет? На охоту ведь к нему едут!

Поесадили меня в кабину. Димитрий остался в кузове. Поехали по Дороге Среднего Брата. И втемяшилось мне тогда почему-то в башку — перевернемся, крутая уж больно! Няятко дверки пооткрывал... Может быть, это и вселило в меня страх... Мотор захлебывался... Сижу ни жив ни мертв: что, как тормоза откажут?! Няятко потом обливается. Круглое лицо покраснелось. А я думаю, на кой поперся по этой дороге? Лишь потом понял — торопился Няятко побыстрее на кордон попасть. Рисковая дорога, да зато самая короткая. Когда выходил из дому, Димитрий, не видя еще меня, что-то втолковывая Няятко, наверное, успокаивал, мол, успеем, чего, мол, ты волнуешься, закончил разговор так:

— ...Он вернется только к вечеру, так что успеем...

Рев неожиданно оборвался. Я разжал судорожно сведенные скулы и, ни слова не говоря, вылез из кабины.

«Удивительное место гора Замана!» — с какой-то радостной облегченностью подумалось мне, едва ноги мои коснулись земли, еще дрожащие от напряжения, словно я не на грузовике преодолел крутой подъем, а вскарабкался на своих двоих. Здесь, на кордоне, весна только проклюнулась. Вдали вечной, видимо, оттого такой густой и темной, местами буроватой зеленью тянулась тисовая роща. Салатной дымкой первых листочков окутана окружившая дом лесников толпа разновозрастных буков. А прямо у ограды, охватившей довольно обширный двор с деревянным сеновалом, разлилась изумрудной краской первая травка. Короткая, только вылезшая из почвы, она еще не так скоро покажет неискушенному взгляду, какой стебелек ее крапива или сурепка, где просто пырей и метлица, а где выбрался к теплу и свету будущий лимонник или зверобой... Только чебрец я сразу же узнал, потому что он, покрывая муравейники, делает вспучившиеся бугорки похожими на темно-зеленые меховые шапки. Когда чебрец отцветает — это любимая трава Серафима, — лесник аккуратно, понемногу с каждой муравьиной кучи, срезает его — запасает на зиму. В доме лесника круглый год царит его аромат. Серафим набивает свежим чебрецом подушки. Спится на таких сном праведника. Говорю со знанием дела, и в моем доме есть такая подушка. Благодаря ей давно позабыл я, что такое снотворное... А это что? Ну конечно же, ландыши. Прямо во дворе растут, словно поняли, что здесь им нечего и некого бояться, что здесь прятаться не надо: никто не сорвет ни до срока, ни в срок. Успокоившись после выматывающей крутой Дороги Среднего Брата, я вдруг вспомнил то, что видел почти ослепшими от страха глазами во время подъема. Мелькнула далеко внизу Малиновая балка — полная зелени. Там всю бушевало время весны. Такой же весны, что царит сейчас внизу, в долине речки, в городе. Весна пришла в город с моря, вернее, из-за моря, обняла всю землю, нежно обхватила подножие Заманы и вслед за теплом устремилась вверх, на встречу бегущей ущельем родниковой воде, сюда, на кордон.

Теплый ветер из Малиновой балки успокаивает, уносит прочь остатки только что пережитого страха. Боюсь высоты, и вместе с тем зовет она меня, манит на это плато, к этим ставшим вдруг близким людям.

Димитрий уже хлопотал у сеновала. Летом лучшего ночлега не найти. Под крышей, а такое впечатление, что лежишь на лугу, — дух сказочный. Спится без снов...

Направился в дом. Первым делом отыскал ведро, пошел к роднику. Осушив кружку воды, окончательно пришел в себя. Досадно. Ведь не впервые поднимаюсь Дорогой Среднего Брата! Видимо, никогда уже не избавиться мне от боязни высоты!

В дом долетел возбужденный голос Няятко. В четыре руки Димитрий и он грузили сено. И через полчаса над кузовом высилась глыба плотно утрамбованного, надежно увязанного сена...

Няятко доволен. Было слышно, как с лесничим обсуждает дальнейшее. Назад, разумеется, Няятко поедет Дорогой Младшего Брата. Назад можно и не спеша. Зачем спешили сюда, я понял наконец, когда, громыхнув в коридорчике пустым ящиком, валявшимся на проходе, в комнату вошел Серафим. Достаточно было глянуть в его насупленное лицо, чтобы понять. Такого обидеть — пустяк. Безответный он. Только подумал о нем так, а он как загнет-завернет: «...Сена? Да! Пусть бы сам, боров, с косою походил... спекулянт гадский...» — вот тебе и безответный! У ног Серафима крутился симпатичный песик. Раньше я его тут не видел и потому, чтобы как-то отвлечь Скрипача, спросил: «Что за кобель?» Собака, почуяв, что речь зашла о ней, засуетилась, заглядывая в глаза Серафиму. Это нас развеяло, и Скрипач принялся рассказывать о том, как попала к нему эта животина.

Машина давно уже скрылась за Родниковым камнем, уже и гула ее не стало слышно, уже мимо окна мелькнула выгоревшая на сутулой спине синяя рубаха Димитрия, а рассказывавший о встрече с Небритым Скрипач все не мог успокоиться. Глядя на него, сгорбившегося, я почти физически ощущал тяжесть, давившую его изнутри. Сейчас он мне казался стариком. Его ровесник, я чувствовал себя рядом с ним беззаботным

мальчишкой. В коридорчике послышался хрипловатый кашель Дмитрия. Дверь в комнату отворилась. Серафим смолк.

— А у нас, выходит, пополнение в хозяйстве? — оживленно говорил Дмитрий. По всему было видно, что он рад собаке. Она своим присутствием подсказала лесничему, с чего начать разговор. Серафима он заметил в самый последний момент. Видно было, как Дмитрию неловко перед подчиненным.

— Дмитрий Корнилович, — не глядя лесничему в глаза, склонив голову на плечо, проговорил Скрипач. — Я против того, чтобы всякие прохвосты лесное сено растаскивали...

— Та ты не переживай, Сима, сена у нас завались... — сразу же вернулся к порогу — назад — Дмитрий.

— Навалом, правильно, но это лесное сено, оно не для Няятки.

— Та не мелочись ты, Сима!

— Няятко нехороший человек. Я так подозреваю, что они с Безгубым вдвоем косуль бьют...

— Сима, вот когда удостоверимся, тогда и станем меры принимать, а так можно и напраслину на людей возвести... А ведь товарищ Няятко не какой-то там, а руководитель. К нему приходится обращаться за помощью. То же сено до кордона не свезти нам без него никак...

— Надо своего транспорта добиваться, Дмитрий Корнилович.

— Много чего, Сима, надобно, да разве ж сразу все обхватишь... Иное дело на войне. Какой только техники у нас тут не было. Я не про оружие, легковые машины были опели-мопели там всякие и грузовики. Выйдешь на дорогу, подстережешь — трах-бабах и назад — в гору машиной возвращаешься...

— Тоже сравнили, Дмитрий Корнилович... То война...

— А у нас тут тебе тоже не мирное время, Сима, — ловко увел разговор на другое Дмитрий.

— Косуль уничтожает кто-то. На глазах стадо тает... Беззвучно кто-то работает... — Скрипач обернулся ко мне: — Сначала мы думали, что капканами... Я самолично облазил весь кордон, никаких следов... Ну ничего: я не я буду, если не поймаю гада...

Димитрий засобирался вниз. Ему надо было доставить в контору какой-то отчет, а мы со Скрипачом решили пройтись по ущелью. Серафим давно обещал показать косуль. Я видел их только издали. Не подпускают чужих близко. А вот если пройти ущельем к месту их водопоя да очутиться там до прихода стада, то из-за камней у обрыва можно увидеть маленьких оленей с расстояния не более десятка метров. Животные никак не ожидают опасности со стороны отвесной стены...

Пока обедали, пока то да се — упустили момент. По ущелью просто бежали. Я несколько раз срывался с мокрых камней. Продрог. Но успели вовремя. Затаились. Осматриваюсь. Слушаю. Ручей говорит о чем-то с камнями. Мерно так речь ведет, степенно, вроде вода его воробью не по колено... А сверху что за суета? Поднимаю осторожно голову. Ага, пичуга какая-то в молодой буковой листве копошится. Маленькая, верткая. Хотел у Серафима спросить, не малиновка ли, ущелья этого хозяйка? А тот глаза круглые сделал, мол, нишкни! Я и замер снова. Удивительное дерево над головой. Постой-постой, да ведь это не дерево, не самостоятельное то есть. Там, наверху, на самом краешке обрыва, помнится, древний бук высится, а эта мощная ветка его, выходит, отросток. И не из ствола отросла, а, видать, из самого корня. Глубоконько вековое дерево в скалу корни пустило. Какой-то корешок из стены обрыва вырвался, учуял солнышка тепло, вдохнул влаги родниковой да теплого ветра, что по Малиновой балке из долины поднимается, и выпустил на свет отросток. Вот и выпросталась мощная ветвь. Трудно и долго земное притяжение выгибало ее, ставило вертикально. Но все же довести до конца не удалось ему — неборимому, вездесущему. Только концы ветви пустили свои побеги вертикально вверх. Сам ствол-ветвь к обрыву торчит перпендикулярно, делит десятиметровую стену ущелья чуть ли не пополам.

Но где же косули? Смотрю на Серафима. Тот припал к камням, словно слился с ними. Холодные камни. Ноги мокрые, внобит. Чувствую, долго так не продержусь. Однако жду. Голову ломаю: как же косуль увижу, если высовываться нельзя? Серафим ухмыляется. Понимает мое недоумение. Ухмылялся, ухмылялся, а потом поманил кивком головы, чтобы прибли-

зился. Я придвинулся к нему и увидел в камне искусно выстроенное оконце... Серафим постарался. Попотеть ему, конечно, пришлось, зато теперь можно, и не тревожа косуль, наблюдать как в телевизоре...

Ждать пришлось довольно долго. Вымокший по дороге, я стал мерзнуть. В ущелье быстро наступали сумерки. От камней еще сильнее потянуло сыростью. Зуб на зуб у меня не падает.

«А может, я волнуюсь?!» — мелькнула мысль.

— Слушай,— шепнул Серафим.

Я затаил дыхание, однако ничего, кроме картавого говорка ручья, уловить не мог.

— Они, идут! — донеслось до меня еле слышно.

Скрипач, прилипший к выступу, был едва различим в густевшей тени, отбрасываемой каменным обрывом. И тут я услышал...

...Ток, ток, ток...

Едва мой слух поймал этот новый звук, все другие — и бормотание воды, и попискивания рыжих вечерниц, дружно вылетевших охотиться на жуков-олений, и хор сверчков, цикад, кузнечиков,— словно тонкий занавес, перестали для меня существовать, как будто их одним махом отвела в сторону волшебная рука...

...Ток, ток, ток,..— стучали о каменную тропу копытца. Мне показалось даже, а может, и на самом деле так было, что в неверном свете погасавшего дня на противоположной стороне ручья уже появилась светлая манишка вожака, как вдруг волнующую тишину, похожую на чудный, только что начавшийся сон, оглушил сипловатый вопрошающий лай. Откуда ни возмись в том самом месте, где мне уже грезился вожак стада, появился Небритый. Он метался от камня к камню, оглашая ущелье лаем потерявшегося, однако не утратившего надежду на лучшее существа.

— Кина не будет,— сказал, поднимаясь, Серафим.

Чертыхаясь, я последовал его примеру, все еще не веря, что сегодня уже не удастся посмотреть на косуль.

— И как я позабыл привязать его или запереть? — сокрушался Скрипач.— Теперь они далеко. Только завтра вечером,

если ничего не помешает, увидишь...— Небритый вертелся как бесноватый и, плюхнувшись в ручей, преодолев довольно широкое русло, оказался у ног Серафима. Тот же ни голосом, ни жестом не дал собаке понять, как некстати она сейчас тут. Но Небритый и сам чувствовал, что им сейчас недовольны, виновато терся о наши ноги, пытался лизнуть руки, унижительно повизгивая. По камням, легко перебравшись на ту сторону, мы пошли пологим склоном, местами поросшим терновником и лещиной. Успокоившийся пес неся впереди, поминутно оглядываясь, и его маленькие глаза метили нас, понуро бредущих следом, сторожким фосфорическим огнем.

— Я давно такое местечко выискивал,— начал Скрипач.— Удобно считать поголовье. В последнее время стадо уходит подалее от людей. Напугано. А отсюда удобно его пересчитывать...

— Ну для чего,— поддержал я разговор,— кому-то надо бить косуль?

— Люди,— резко изрек Серафим,— попривыкли хапать. Глаза завидующие, руки загребущие. Кому мяса диетического хочца, а кому шкуры. Так-то, братка!

— Шкуры? Зачем? Для чего косульки шкуры? Овчина другое дело. Можно дубленку сшить...

— Кошмы делают, под задницы стелют в автомобилях, на сиденья мотоциклов. Шик-мода! — распаялся лесник.

До самого домика молчали. В молчании пили чай, торжественно заваренный Серафимом из чебреца и зверобоя. Чудные травы. Каждую в отдельности пить мне, например, трудно. Чебрец отдает почему-то керосином, а зверобой сильно горчит. А вот заваренные вместе, вкусны и успокаивают... Серафим называет этот напиток черобоем. Черобой — звучит.

Кровь на камнях ущелья

После черобоя спится. Серафим чуть было не прозевал момент. Еще с вечера решил смотаться к «телеку», поглядеть стадо на утреннем водопое. Гостя брать — время терять. Пока

братка прозеваается, пока с ним будешь идти, время кончится, стадо покинет ручей. Заперев Небритого, Серафим, накинув фуфайку, поспешил к ущелью. Бежал напрямик. Хорошо, что в суете успел резиновые сапоги надеть, а не отправился в кедах. Через разнотравье по росе без сапог идти — кислое дело. Тропой — дорога долгая. Спешит Серафим, чувствует, что успеет, а на душе тревожно. От беспокойства даже устал быстрее.

Залег, припал к «телеку», едва дыхание успокоил. Ждет. Слушает... Вдруг понял: стада не будет...

Опоздал?

Вроде нет. Не впервой приходиться спозаранку.

Подождал еще малость и вышел. Вяло перешел ручей и остолбенел. На камнях кровь. Всего несколько капель. Свежая, свернуться не успела. Значит, только что, перед самым его приходом, пролилась...

Как же так?! Не глухой же Серафим, в самом-то деле? Выстрел был бы слышен. Косулю ничем, кроме пули, не достать. Осторожное животное. Близко не подпустит. Серафим огляделся — покой, тишь, благодать. Восковой богомол потирает лапки, уставился в сторону восхода. Распластались на камнях ящерики — солнышко впитывают серыми спинками... Прожужжал краснотел, сверкнул изумрудными надкрыльями... Скачет пара корольков, мелькают оранжевые чубчики — попить прилетели... Сорока зашлась, трещит, надрывается. Видать, лисицу заметила или кабана... А если?..

Серафим сорвался с места и напролом через заросли лещины бросился вдоль пологого склона на сорочий треск... Вот уже Родниковый камень виден. Это по нему сорока скачет, трещит, не унимается. Коль скачет на одном месте, значит, там не зверь. Тот бы уже скрылся подальше с глаз добровольного, назойливого стража... «Сейчас, сейчас... Сейчас», — бормочет Серафим. Завидев егеря, сорока смолкла и ретировалась. И тут же на смену ее трескучему зову пришел иной звук. Резкий. На той стороне прогазовывали мотоцикл. «Поспеть бы, поспеть...» Когда Серафим обогнул Родниковый камень, мотоцикла уже не было. Только голубое облачко выхлопа висело над примятой травой. Да быстро удаляющийся гул по Дороге Среднего Брата...

Серафим опустился на корточки, пытаюсь разглядеть следы. Но разве в густой высокой траве что-нибудь увидишь? Потерянно двинулся к дороге. Но и там было пусто.

Красно-черный, похожий на дятла, вертолет... Высоко. Завис и тарыхтит. Повисел самую малость — и камнем вниз, прямо на крышу домика правит... Ну, думаю, дела. Надо Серафима скорее разбудить да Небритого... Пропадут! Но у самой крыши вертолет замер. Оглушающе грохочет... Уф-ф! Пронесло... Не упал. Висит себе, хоть и мотор выключен. Что-то новенькое! А по лесенке спускается некто. В унтах, кожаных штанах... Чудеса в решете. Пилот? Если пилот, то кто же тогда в кабине остался? Мотор выключен, летчик спускается... Ведь машина может запросто грохнуться...

— Кто тут есть?

Открываю глаза: Полина в дверях.

— А, это ты, — бормочу спросонья.

— Понятно. — Полина улыбается в усы. — А где же хозяйева?

Никак не могу стряхнуть с себя сон. Уже не сплю, а сон все давит: вертолет перед глазами. Но вот он стал удаляться, и когда вовсе исчез, я окончательно пришел в себя.

— Где-то здесь Серафим, — наконец отвечаю.

— Долго спим! — весело пеняет мне гость, подходит к ведру с водой, выпивает со смаком целую кружку, усаживается на табурет. — А тут никакого покоя. Спозаранку на ногах. Мотался вниз. У нас так, если с утра на базе не покрутишься, можно и пролететь. А так вот полную коляску тушенки схватил... — И, видя, что я все еще плохо кумекаю, поднялся. — Ну, я двинул дальше, пока!

Я выхожу за ним. На улице вовсю сияет солнце. Полина откатил оставленный у самого порога «Урал».

— Что передать? — запоздало поинтересовался я.

— Димитрий мне нужен. Скажи, что я был. Он знает зачем...

Полина развернулся, подмигнул мне и запустил двигатель. Покачиваясь на ухабах, доверху наполненная коляска тянула

руль из рук, но Полина, картинно приподняв ее на крутом выраже, помчал в сторону туристской стоянки.

Серафим появился через полчаса и с убитым видом принялся рассказывать:

— Секундой раньше, успел бы засечь... Но ничего, теперь я знаю, на чем он увозит... Запомнил звук его мотора. В следующий раз не уйдет...

— Был Полина, — начал я.

— Безгубый? Давно? — вскинулся Скрипач.

— Недавно, с полчаса как...

Скрипач нервно заходил по двору.

— На мотоцикле?

— Да!

— Ты не заметил, что вез?

— Полная коляска чего-то, говорил — тушенку с турбазы везет...

— Сейчас проверю.— Скрипач сбросил фуфайку, выпустил из сарая Небритого и бросился бегом на туристскую стоянку.

Я — за ним. Но разве ж угонишься? Вскоре он скрылся, пропал из виду, я хотел было повернуть назад, да передумал, решил идти: что, если Скрипачу понадобится помощь...

На стоянку притащился к полудню. Заплутал. Если бы сразу пошел по тропе, ничего бы не случилось — минут через сорок добрался бы. Понесло же меня вслед за Скрипачом напрямик. Промочил ноги изрядно сразу же. Туфли раскисли, вышел на тропу, да не на ту, пока сообразил, потерял время. Словом, когда заявился на стоянку, Серафима там уже не было.

— Прямо паломничество сегодня.— Вышел из палатки Полина.— Ну и видок,— бросив взгляд на мои ноги, сочувственно констатировал комендант.— Немедленно разувайся! — И, не отходя от меня, не оборачиваясь, крикнул: — Дежурный!

Прибежал малый в спортивном костюме.

— Распорядись на кухне — гостя надо покормить!

— Так уже все с завтрака кончилось, а обед еще не готов!

— До обеда ждать и ждать, возьми в коляске тушенку, кстати, пора давно разгрузить! Не мне тебя учить!

Вскоре я уже сидел в палатке, туфли мои, ловко посаженные на две жерди, сушились у кухонной печи, а передо мной, источая аромат консервированной говядины, дымилась сковорода. Полина достал чекушку спирта, разлил по кружкам.

— Извини, что по-простому, знал бы, что нагрнешь, коньяка бы припас...

— Ладно уж,— потянулся я за своей кружкой,— не велика честь. Таких гостей у тебя небось каждый день пачками...

— Ты чего? — Полина сделал обиженный вид.

— Давай лучше выпьем,— перебил я.— А то я и в самом деле простыну.— Когда сковорода опустела и была убрана, Полина достал пачку «Космоса».

— Кури! Я только по большим праздникам и только эти потребляю...— Едва я с удовольствием затынулся, он, цепко глянув, спросил: — Просто так пришел или по делу?

— Серафим ушел по своим делам, стало скучно, вот и...

— Был здесь твой Серафим...

Я изобразил удивление.

— Извини, вы, кажется, кореша, но я твоего Скрипача терпеть не могу... Все высматривает, вынюхивает... И что ищет?

— А я думал, что и ты с ним водишься,— стал уходить я от прямого разговора.

— От охоты до охоты водимся. С Димитрием живем душа в душу, а с этим... Да что и говорить.— Полина махнул рукой.

— А мне он нравится, добрая душа Серафим!

— Странное сочетание,— вновь цепко глянул Полина.— Ты, писатель, и он? С ним же и поговорить не о чем. Я как-то по-первах приглашал его. Вижу, молодой мужик, работаем рядом... Ты же знаешь, у меня всегда тут порядок, весело. Девчонки иногда бывают... Туристки. Это внизу они все дочки, мамы... А тут, словом, туристки. Нет же, не получилось контакта. И чего? Неженатый...

— Я слышал, у него внизу девушка...

— То внизу, а то здесь...

— Просто вам надо сойтись еще раз. Вот начнется охота, я вас попробую свести,— пообещал я.

— Вряд ли что получится! Он меня считает своим личным врагом. Ума не приложу с чего. У меня такое впечатление, что он к моим следам, как собака, принюхивается...

— Пустое,— попытался успокоить я его.

— Не надо! — рассмеялся Полина.— Не надо нас, маленьких, дурить! Мы тоже кое-что в этой жизни кумекаем. Он думает, что это я косуль бью, клоун! Не такой уж я олух, чтобы гадить там, где живу...

— Скажи,— вдруг дернуло меня,— а ты бы смог косулю убить?

Полина даже не глянул на меня.

— А что тут особенного? Ты разве сам никогда не стрелял в живность?

— Стрелял в кабана... как-то. Я плохой охотник.

— А чем, по-твоему, кабан дешевле косули? Я охотник, и неплохой, сам знаешь... Но тутошних косуль бить, я не варвар... Их всего-то здесь с гульки хрен... Пусть размножатся, вот тогда...

— Но и Серафима надо понять, кто-то стреляет косуль...

— Чушь, сколько здесь, ни разу от сезона до сезона не слышал выстрелов. В сезон охотимся только мы, другим дороги сюда заказаны...

— Ну не беззвучным же оружием их уничтожают?

Полина расхохотался:

— Да не верю я, что кто-то бьет этих косуль. На кой ляд нужны? Внизу мяса завались. Тут — отары овец. Несчитанно. Два червонца дай чабану и рубай шашлыки... Просто у твоего Скрипача сдвиг. Навязчивая идея!

— Он время от времени пересчитывает стадо...

— Интересно! Как же это ему удастся? Стадо что, к нему само приходит, мол, посчитай нас...

— Я тоже так думал... до сегодняшнего утра...

— А что же сегодня произошло? — нахмурился Полина и потянулся за сигаретой.

«Так, так! Волнуешься, Поль! Запомним!»

— Лесник видел кровь на камнях у водопада. Едва не схватил браконьера. Тот был на мотоцикле. Загружал кошулю у Родникового камня...

— Теперь мне понятно, чего прибежал на стоянку Скрипач. Ходит, голову похилив, по лагерю. Все на мотоцикл косится. Я ему: «Купить хочешь?» А он: «Да, хорошая машина». Осмелел, под коляску заглядывает. «Да новая,— говорю ему.— Не течет...» Теперь понятно, чего он крутился, думал, что у меня кошуля в люльке. То-то я и смотрю, что сорвался сразу, как только я полог поднял. Увидел банки с тушенкой и рванул. Ловить нечего...

И тут оливковое, уже успевшее заметно загореть лицо с изящными, словно нарисованными усами, лицо Полины исчезло...

Я видел иное лицо — бесконечно дорогое. Ее всегда слегка обветренные губы. И снова лицо Полины. Вопросительное:

— Что с тобой, Писака?

Хочу ответить, а язык не поворачивается.

— Да ты никак того? — чувствую сильные руки Полины. — Охмелел, что ли? Писака?! Чудно! Бывало, и больше выпивал, а тут от каких-то ста пятидесяти граммов...

— Н-не то... — наконец пролепетал я и не узнал своего голоса.

— Эге, да ты никак заболел... Горишь, как головешка. Давай-ка ложись... — Полина уложил меня на топчан, укрыл чем-то. — Я сейчас тебе чаю с малиной приготовлю...

Полина исчез из палатки.

И снова лицо. Глаза смеющиеся, узкие. Это от радости. А через мгновение она вся. В полный рост. Но далеко. Машет, словно прощается. Нет, скорее здоровается. Бежит. Бежит навстречу, но не приближается, а удаляется, словно и не человек, а мотылек, подхваченный ветерком...

— Ну-ка, попей! Попей, станет легче... — Это уже Полина.

Горячий чай ожег небо, опрокинул тело в черную тесную жаркую темень... Потом я выплывал из нее. Пахло бензином, гудел мотор; на этом неровном гуде я спускался круто с какой-то невероятной высоты. Совсем близко, касаясь лица, ска-

кали звезды, и голос — кто же это еще? Скрипач? Ну конечно же, это его голос: «Скоро, уже совсем скоро! Потерпи, братка, сейчас начнется асфальт, и мы полетим...»

Превращение Небритого

Писаке звезды пригрезились, потому что Полина привез его к дому лесников в солнечный тихий полдень. Серафим только закончил наводить порядок у сеновала. Поставив под навес вилы, он уже подумал идти на поиски запропастившегося гостя, как за оградой остановился мотоцикл. Вместо того чтобы выключить, мотоциклист стал прогазовывать двигатель — один раз, другой, третий... «Кому это делать нечего?» — подумал Серафим и вышел.

— Помогай! — крикнул Полина.

Серафим увидел Писаку. Тот сидел в коляске, словно пьяный, наклонив большую седоватую голову.

— Заболел, надо срочно что-то делать, — продолжал Полина.

Серафим хотел было перетащить Писаку в дом, но, когда понял, что у того сильный жар, кинулся к сеновалу, притащил охапку сена, стал заталкивать его в коляску, обкладывая сеном пышущего жаром пассажира.

— Что ты делаешь, клоун?! — заорал Безгубый.

— Заткнись! — вдруг сорвался Серафим, не глядя на Полину.

— Ладно, не стоит собачиться, — сбавил тон Полина, — садись сзади, будешь поддерживать, чтоб голову человек на спуске не раскроил.

Серафим замешкался. Ему казалось, что он что-то не сделал, о чем-то не подумал, без чего вроде и спускаться вниз не следовало бы.

— Ну чего ты чешешься? — снова подал голос Полина. — Садись, и погнались...

Из сеней на все это молча глядел Небритый.

Серафим кивнул ему, словно это был человек: «Смотри тут!» — пробормотал. Казалось, что собака вряд ли могла рас-

слышать что-либо в реве сорвавшегося с места «Урала». Но Небритый, едва мотоцикл тронулся с места, выскочил из сеней. У ворот отрывисто гавкнул и стал глядеть вслед, пока мотоцикл не скрылся за Родниковым камнем.

Неподалеку от сеновала стоял, сверкая пегим сильным крупом, Мустанг. Он тоже глядел вслед «Уралу». Небритый подумал, что коню видно дальше, чем ему, потому что у Мустанга высокие ноги. Небритый вышел за ограду и не торопясь потрусил к коню. Он решил поближе познакомиться с Мустангом. Как-никак тот здесь старожил, а Небритый на кордоне всего только сутки.

От ног коня пахло травой. На одном слегка треснутом копыте замер в раздумье мураш. Блестя черным панцирьком, он неторопливо поводил тонкими усами, и Небритый решил, что Мустанг мураша не видит, потому что у коня высокие ноги. Мустанг опустил голову, и его коричневые влажные губы приблизились к носу Небритого. Тот ни на йоту не отступил, не отвел головы. Мустанг шумно вздохнул и фыркнул прямо Небритому в морду. Еще сильнее запахло травой, и Небритый отвернулся и отошел. Мустанг вскинул голову, оскалил большие желтые зубы и заржал. Как человек, подумал Небритый. Так смеется человек, когда ему очень хорошо. Мустанг снова опустил голову, понюхал Небритого и закивал мордой. Небритый понял, что знакомство состоялось, что конь приглашает его куда-то. Небритый оглянулся на дом и двор и увидел Этого...

Этот ходил по двору кругами. Смешно семенил, и позади него золотилась струйка высыпающихся из рукавов зернышек, семян, прочих злаков...

Траву сеет. Хозяйничает, пока никого нет...

Мустанг нетерпеливо фыркнул и топнул надтреснутым копытом. Мураш слетел и потерялся в траве. Небритый хотел спросить у Мустанга, куда деваается Этот, когда появляются люди, но конь уже сорвался с места и понесся к тисовой роще. Небритый хотел было вернуться во двор. Уже качнулся в ту сторону, но Этот остановился, вскинул руки, захлопал ими, словно петух, и залился скворцом. Небритый от неожиданности

залаял. Этот нарочито насупился, погрозил пальцем. Небритый прижался к земле и прикрыл на миг глаза. Нет, он не испугался. Такие собаки, как Небритый, не ведают страха. Он просто моргнул. А когда снова глянул во двор, Этого там уже не было. Небритый бросился во двор, стал бегать кругами, искать следы Этого. Никаких запахов. Зернышки, семена и прочие злаки были. Они уже пустили тонкие, словно шерстинки, росточки, а следов Этого слышно не было. Выходит, вовсе никого тут и не было. Небритый хотел было отправиться следом за Мустангом, но вдруг почувствовал, как на него пахнуло теплым, словно из Малиновой балки, ветерком. Пахнуло, и сразу же тело стало легким. Ему показалось, что у него выросли такие высокие ноги, на каких бегают Мустанг. Он посмотрел вниз — копыт нет. Его, Небритого, мохнатые собачьи ноги. Поднял глаза и увидел себя не во дворе, а на самом краешке пропасти. Вокруг на тонких зеленых ниточках стеблей — молочные капли. Пахнут сладко. А рядом Мустанг, на маленьких копытцах. Столь маленьких, что даже трещинки на одном из них не видно. И Небритый понял: когда Мустанг был на длинных ногах, когда он был большой, он тоже видел на своем копыте мураша. Не наступил на него, потому что видел его... И так стало на душе Небритого вкусно и тепло, что он забыл о том, что он собака. Он нюхал белые капельки цветов, без страха заглядывал в пропасть, откуда поднимался тугой теплый ветер, казалось, он, если прыгнуть с камня, удержит Небритого, ставшего вдруг большим и легким. Небритый был такой большой теперь, что видел, как по Дороге Среднего Брата спускается мотоцикл. Вот он медленно выкатывается на асфальт и летит в город, обгоняя скрипучие неуклюжие троллейбусы... Едва он это увидел, едва разглядел лицо Серафима, едва понял, что обложенный сухой травой с серой большой головой гость видит сейчас его — Небритого, эти сладко пахнущие белые капли цветов, маленького Мустанга, как снова очутился во дворе...

Мимо Родникового камня шел к дому Димитрий. А у тисовой рощи бродил на своих высоких ногах Мустанг.

— А где Серафим? — утирая потное лицо, спросил вошедший во двор Димитрий.

Небритый приветливо махнул хвостом.

— Небось знаешь, — опустился Димитрий на чурку у порога, — где Серафим? Знаешь, а сказать не можешь. Все ты знаешь, все. — Димитрий потянулся к Небритому, потрепал ему загривок, погладил спину. — Знаешь все, а вот сказать — проблема..

Возвращение на яйлу

Итак, заново родившись, иду прохладной, утонувшей в липовом аромате улицей. До этого никогда не приходилось так долго болеть. Полтора месяца провел в больнице. Половину этого срока в лежку. Дней десять без памяти. Как сейчас понимаю, простыл еще по дороге к Серафимову «телеку». Раза три угрозило меня окунуться в ручей. Серафимов черобой, конечно же, немного помог. Муторный сон с вертолетом, видимо, и был первым знаком приглушенной лесным чаем болезни. И если бы не поход росистым утром на туристскую стоянку, возможно, ничего бы серьезного не приключилось. Отделался бы насморком, покашлял бы, и все дела. Но изрядно промоченные ноги ухудшили состояние. Уже в палатке коменданта лагеря вдруг опрокинуло в сон, который длился целых десять дней. Проснулся в больнице. Проснулся от боли в руках. Запястья исколотые, ляжки в гематомах. Уколы... Врач рекомендовал пожить в лесу или у моря. Конечно же, я не раздумывал. Придя домой, позвонил Димитрию. И уже через час у подъезда меня дожидался ГАЗ-66 с Нятыко за рулем.

— Димитрий не смог, у них сенокос, — сочувственно разглядывая меня, сообщил Нятыко. А когда я, кряхтя, взобрался в его высокую кабину, добавил: — У меня тоже со временем туговато. Уборочная началась, только успевай крутиться. Все сто единиц в разгоне, в разных концах. Запчастей нет... Словом, довезу тебя до лесничества, а в заповедник они тебя сами поднимут. Мне удалось кое-что для них сделать, — сказал не без

гордости Няятко,— передаю списанный вездеход. В хорошем состоянии. Правда, видок у него непрезентабельный. Ну ничего, почистят, подкрасят... В лесу сойдет за первый сорт...

За окном текла зеленая река придорожных насаждений. Так хотелось опустить стекло, вдохнуть полной грудью. Было уже потянулось это сделать, но, разгадав мое намерение, Няятко стукнул меня по руке:

— Окстись, чахотки захотел? Продует же. Потерпи, приедем, надышишься!

Трогательная забота! Надо же... Никогда не думал, что хладнокровный Няятко способен на такое внимание. Смотрел на него, непривычно сосредоточенного, вперившегося из-под седоватой челки в перспективу дороги... На охоту он всегда приезжает вальяжным, раскрепощенным. Круглое лицо сияет. Всегда с нетерпением ждет начала. Первым хватается за всякое дело, балагурит, бормочет песенки, а то начинает анекдоты травить... Массивное тело, перетянутое патронташем, кажется ловким, молодым. Я относился к нему без всякого интереса. Более того, меня раздражало его высокомерное отношение к Серафиму. Заговаривал Няятко с лесником редко, а когда случалось — тоном приказным. Серафим платил Няятко холодным пренебрежением. Уж лучше бы они совсем не общались. Большой моментально понял, на чьей стороне я. И несколько раз именно при мне пенял Няятко, мол, так нельзя относиться к человеку, на котором львиная доля забот о коллективе. Няятко под строгим взглядом Большого тушевался, бормотал что-то извинительное и некоторое время вел себя корректно. Лесник даже оттаивал на некоторое время. Я в подобные ситуации никогда не вмешиваюсь. Считаю, что значительно больше пользы престижу Скрипача приносит мое доброе отношение к нему. На фоне нашей с ним дружбы высокомерие Няятко и пренебрежение Безгубого выглядели нелепо. Особняком в нашем охотничьем коллективе стояли Большой и Димитрий. По-настоящему Большой контактил лишь с Димитрием. Их отношения внешне были весьма дружеские. И тот и другой относились ко всем

нам одинаково. И видимо этим обстоятельством оставался жив наш коллектив. В полном составе он собирался лишь в сезон охоты. Всего несколько дней осенью. Большой добывал лицензию, благодаря ей и появлялась возможность поохотиться. Не будь среди нас Большого, не было бы никакой охоты. Не было бы охоты, не было бы и коллектива. И сейчас, трясясь в грузовике, я глядел на Нятыко каким-то новым для себя зрением, находил в нем немало ранее не замечаемых достоинств, и очень мне хотелось, чтобы наш коллектив стал коллективом в настоящем смысле слова. Неплохие же все. Полина, например, доставил меня, беспмятного, вниз. Как только понял, что со мной, погрузил в коляску — и к Серафиму. Спускались по Дороге Риска. Один за рулем, другой меня страхует, чтоб не вывалился или голову не разбил о коляску...

Чем ближе ГАЗ-66 подъезжал к лесничеству, тем счастливее становилось у меня на сердце. Мне вдруг пришло в голову, что именно моя болезнь и положила или положит начало добрым переменам в этих людях.

Но стоило мне оказаться наверху, как я сразу же почувствовал, насколько наивным оказалось это мое предположение.

Конечно же, Скрипач был рад. Он только что пришел с дальнего покоса. На яйле сенокос начинается значительно позже, чем внизу. В долине уже всюду убирают хлеб, а лесники Тисового кордона только пробуют свои литовки на буйном росном подоблачном лугу. Серафим, загорелый, с выгоревшими, пшеничного цвета короткими волосами, пропахший горьким и хмельным духом альпийского разнотравья, бросился ко мне, стиснул тонкими крепкими руками мою ослабевшую за время болезни грудь, и мне показалось, что ему хочется меня поцеловать. Видя его замешательство, я это сделал сам. На что Димитрий, хлопотавший тут же под навесом у печки, выразительно крикнул, а выпивший залпом кружку родниковой воды Нятыко севшим от ледяной влаги голосом пробормотал: «Какие нежности!» — и рванул машину с места.

Мы сели пить черобой с первой земляникой, и я от полно-

ты чувств сказал о том, как заботился о моем здоровье по дороге сюда Няятко. Димитрий, сочувственно поглядывая на меня, посасывая земляничины, с готовностью подхватил эту тему:

— Няятко, он ничего, он парень добрый. Я с его батькой партизанил тут.— Для меня это было новостью, но я не удивился: Димитрий всегда так, сколько знаю его, не спешит раскрыться, никогда не спешит сказать все сразу, тем более о себе.— Отчаяка был, в разведку пойти — хлебом не корми...

Серафим на это промолчал. В отличие от Димитрия Серафим ягоду не сосал, он бросал ее в черобой и пил, словно компот. Крупные капли пота стекали по вискам и щекам. Серафим отдыхал всем своим небольшим, тонким, исхудавшим на косолице телом. Отдыхал с наслаждением, как только способны это делать настоящие труженики. Отдыхал, чтобы часа через два, когда спадет жара и солнце зависнет над Малиновой балкой как бы в раздумье, пойти в луга продолжить покос.

Димитрий, помолчав малость, продолжал:

— Няятко для нашего коллектива — просто находка, без него и не знаю, как бы мы управлялись... Я имею в виду охоту...— И по тому, как он отодвинул от себя блюдце и кружку, я понял, что пить чай с земляникой он больше, во всяком случае до вечера, не станет и говорить на подобные темы тоже.

— Охота — это коллективное убийство! Разве такое дело может объединять по-настоящему,— ни к кому не адресуясь, проронил Серафим. На что Димитрий лишь вздохнул, и, как мне показалось, вздохнул укоризненно. Мы уже собрались было подняться из-за стола, как за стеной навеса, где мы так сладостно почаевичали, раздался звонкий голос:

Учите розу розой цвествь,
Чтоб не цвела она шиповником...

Песенка оборвалась.

— Скрипач, выйди на минуточку,— позвал тот же голос.

Серафим живо поднялся и через некоторое время вернулся под навес, ведя за руку высокую с длинными русыми прямыми волосами девушку. Волосы скрывали ее лицо. И я не мог разглядеть его, пока Скрипач не представил мне ее и она не отки-

нула волосы за уши. Я подумал, что она не красивая, просто милая. И делает ее такой бесхитростный, доверчивый характер. Поразило меня имя ее. Вернее, не имя, а прозвище.

— Парусная Регата?! — переспросил я.

Сама кличка как явление здесь, наверху, в нашей компании, привычна, обыденна. Коль есть у девушки кличка, значит, она принята, значит, она тут свой человек. Поразило меня ее прозвище бессмысленностью. Ну понятно — Скрипач или мое прозвище (я не исключение, как Димитрий) Писака...

— Нелепая кличка! — как бы оправдываясь, начала девушка. — Я так Полю сразу и сказала. А он... — Девушка опустила голову, чтобы спрятать густо покрасневшее лицо.

— А он ей, наглая морда, — подал голос Серафим, — здесь все нелепо, чем нелепее, тем оригинальнее. Кажется, так или примерно так? — дернул за руку умолкшую девушку Серафим.

— Он, по-моему, шутил тогда, — возразила тону Серафима Парусная Регата.

— Он шутит, а ты плачешь! И чего ты плачешь, а?

Парусная Регата сорвалась со скамьи, к краешку которой едва ли успела припасть легким своим телом.

Димитрий при разговоре лишь неодобрительно похмыкивал, косясь на Скрипача. Но едва девушка исчезла, не глядя на своего помощника, Димитрий бросил:

— Обижать все мастаки, а пожалеть — не можем. Трудное это событие — пожалеть, а обидеть, как два пальца намочить...

Сказал и ушел. Погодя видно было, как трусцой бегают он по склону у ручья, маня норовистого Мустанга.

— Как только обидится на меня, коня ловит, — спокойно пояснил Скрипач. — А конь ему без надобности. Да и не словить ему Мустанга без меня... Это он, чтобы показать, что я бездельничая, а он, видишь ли, отдыха не знает.

Но тут мы увидели, что на склоне появилась Парусная Регата. Расставив руки, она шла к выгнувшему шею, глядевшему на нее исподлобья Мустангу, а Димитрий подбирался к коню с другой стороны. Конь тоненько заржал, но с места не сдвинулся, даже когда обернулся и увидел подкрадывавшегося Димитрия, не побежал, а, напротив, не желая идти в руки лесни-

чему, бросился к девушке. Та вместо того, чтобы схватить коня за узду, кинулась прочь от него, идущего в руки. Димитрий остановился, с досадой бросил под ноги кепку и, повернувшись к замершей в растерянности девушке спиной, пошел назад, к нам. Вдали, полуобернувшись в нашу же сторону, радостно ржал Мустанг.

— Зачем тебе лошадь? — спросил Скрипач Димитрия, когда тот пришел и молча опустился рядом со мной на скамью, врытую вокруг стола по периметру.

— Хочу вниз, надо на турбазе договориться, пускай помогут сено копнуть...

— Если надо, я без коня сбегаю, — примирительно предложил Серафим.

— Пока будешь бегать, время пропадет. За это время разве столько накосить успеешь... Ты оставайся, а я пойду. Конем оно, конечно, было бы скорее. Уставать я теперь стал, когда поднимаюсь... — Димитрий прерывисто вздохнул. — А ведь, бывало, с голоду пухлый, раненый, в мороз, снег бежишь по Малиновой и ни гугу... За полчаса поднимался...

Димитрий заглянул в дом, вынес безрукавку, но не надел, а набросил на плечи и, уже отойдя шагов пять, махнул нам рукой и вместо «прощай» распорядился:

— Девку покормите... Да без обидных слов чтоб...

— Откуда она взялась? — спросил я у Скрипача.

— Очередная жертва Безгубого, — нехотя обронил Серафим.

— В каком смысле? — вырвалось у меня, хотя уже в самом начале вопроса я знал ответ. Видимо, и Серафим был абсолютно уверен в том, что объяснять мне этот момент не понадобится, потому, не останавливаясь, продолжал: — Она, как привела своих детей на яйлу из пионерлагеря, ну знаешь, того, что направо, первый сразу же, как по дороге Среднего спустишься...

Я знал этот лагерь. Прошлым летом бывал там часто.

— Так вот, привела она детей, заночевали на стоянке... Видимо, тогда у нее с Безгубым все и сотворилось. Но появилась она здесь уже после первой лагерной смены...

— Почему появилась тут, а не на стоянке?

— Во-первых, он, видимо, дал ей понять, что... кина боль-

ше не будет. Ну, сам понимаешь, как такие разговаривают с бабами потом, во-вторых, она сама стеснительная, а может, гордая. А по-моему, самообманом занимается... Вроде и не к нему пришла, а сама все время у него на глазах. Он даже похудел и, что меня особенно радует, дорогу сюда забыл...

Со стороны Родникового камня раздалось ржанье и легкий топот. По склону бежал Мустанг, а рядом, держась за его каштановую гриву, летела, едва касаясь земли, Парусная Регата.

— Смотри-ка! — воскликнул и вскочил на ноги Скрипач. — Мустанг дался, подпустил ее!

Новые друзья приближались. Вот они остановились у калитки. Небритый, лежавший в тени у навеса, спохватился, принялся издали облаивать нарушителей спокойствия.

— Сима, — обнимая коня за шею, воскликнула девушка, — дай седло, я догоню дядю Димитрия, отдам коня!

Серафим пошел в дом, вынес легкое седло... Когда управился, хлопнул легонько Мустанга по боку.

— Ну садись, — пригласил он Парусную Регату.

— Я же не умею кататься... — рассмеялась девушка.

Казалось, ничего больше не гнетет ее, эту юную женщину, похожую на подростка, вроде и не краснела она совсем недавно от слов Серафима, не бежала от них...

Серафим, согнув руку в локте, присел. Девушка все поняла, встала на его руку и легко забросила ногу через круп Мустанга. Ноги у нее оказались длиннее, нежели у тех седоков, которые ездили на Мустанге раньше. Серафим отпустил стремяна. И посоветовал:

— Становись в стремяна, иначе...

— Что иначе? — успела спросить девушка, ненароком толкнула пяткой Мустанга, и тот рысью тронулся к Малиновой балке.

— Становись в стремяна!.. — крикнул вслед удалявшейся наезднице Серафим...

Значит, это он! Сима говорил, что Писака ему ровесник. По первому взгляду и не подумаешь, что ровесник. Сима тоненький, хрупкий. Хочется погладить его по плечу или по выгоревшим волосам. Как Сима ждал его! Он так ждал его, что это

нетерпение передалось и мне... Никогда не думала, что так бывает. Все на этой верхотуре не так. Внизу, если и приходилось о чем-то думать, то второпях, на скором бегу. А тут прямо сама себя не узнаю. Думаю и думаю. И так славно от сознания этой своей способности...

Мустанг, выскочивший со двора рысью, стал замедлять бег, перешел на шаг. Тропа накренилась, повела под горку, и Парусная Регата стала вместе с седлом съезжать к гриве коня.

Сима советовал стать в стремя. Попробую-ка! Э, нет, стоять круто, так и через голову коня можно кувырнуться!

Ноги Мустанга ритмично выстукивали дробь. Тропа, скрытая разросшимися папоротниками, была почти не видна. Парусная Регата почему-то стала оглядываться. Чем глубже в ущелье увозил ее Мустанг, тем беспокойнее становилось у наездницы на душе. Ей вдруг показалось, что следом за нею движется что-то или кто-то. Наконец она увидела верткую серую пичугу, которая перепархивала с ветки на ветку, то держась позади коня, то залетая вперед...

А, старая знакомая. Я тебя уже видела. Правда, Муся! Она живет где-то неподалеку от «ресторана «Ландыш». Сима водил меня туда. Мне еще тогда показалось, что он влюбился в меня. Славный, добрый Сима. Я так тогда испугалась. Не хочу больше... Хватит мне приключения с Полем... А потом злилась на себя. Поняла, что у Симы иное на уме, и разозлилась. Даже стыдно за себя стало. Иное — то, что у Симы внизу есть девушка. Ее Сима любит. Она даже поднималась к нему сюда, гостила. Понимаю, что Симе вовсе не до меня, и жалею. Сима чистый, открытый. Такой если любит, то навсегда...

В лицо веял горячий ветерок. Тот самый ветер, который держит листья травы, если их сбросить с обрыва у «ресторана «Ландыш». Сима тогда еще объяснил, что по Малиновой балке, как по трубе, тянет горячий воздух из долины, снизу от раскаленного в зное города. Бросила тогда пучок листьев, цветов, стеблей, а они плавают, как в невесомости. А сама на краешке стояла. Сима аж побелел с лица: «Отойди». Рассмеялась, мол, не боюсь я никакой высоты. А Сима тогда и говорит: «А вот Писака боится. Как с женой у него это вышло, так и стал боять-

ся...» Что? Хотела расспросить, да передумала. Лицо у Симы стало серым-серым... Ну и прикусила язык...

Дину так подмывало поделиться с егерем одной тайной. Но она так и не рискнула. Боялась, что он рассмеется, а еще хуже, подумает, что она ненормальная выдумщица. Сима ведь, он сам так тогда сказал, знает все о своей горе, о своем плато. Если бы он видел летающего человека, он бы обязательно ей рассказал. Пока еще раз не увижу сама, никому ни словечка. Хватит, Полю сказала на свою голову...

Димитрий стоял на тропе в золотом солнечном круге. Он остановился сразу, как только услышал конский топот.

— Дина? — удивился он. — Верхи? А я и не знал, что ты умеешь с конем обходиться.

— Димитрий Корнилович, снимите меня, — попросила Парусная Регата, — сил больше нет.

— Эге, девка! Ты, вижу, впервой в седле...

— Это я вам, чтобы вы быстрее добрались до места и вернулись...

— Та чего мне добираться? Я уже пришел. Вон, слышь, троллейбусы гудят... Так что поворачивай назад. Без коня тебе ни за что теперь не добраться до кордона. Я же вижу — раструсило тебя с непривычки...

— Снимите же меня...

— Не-е! Топайте назад. Наверх ехать не так больно...

Димитрий похлопал Мустанга по шее: «У, неслух! Из-за тебя девка мучается...»

Мустанг обиженно фыркнул, повернулся и побрел назад.

Мы уже подходили к делянке, на которой Серафим косил спозаранку, когда услышали догонявший нас перестук копыт.

В сбитом высоко над коленями платье с развевающимися волосами неслась к нам Парусная Регата.

— Я его нагнала уже в самом низу! — мальчишеским голосом кричала девушка. — Но дядя Димитрий не захотел взять коня.

Мустанг остановился, девушка слезла и, едва ступив шаг, со всхлипом остановилась.

Серафим отвел взгляд, почесал в затылке и, ласково потрепав незадачливую наездницу по плечу, вздохнул:

— Я же предупреждал, становись в стремяна...

— А ничего страшного, уже не так больно, до утра, думаю, пройдет,— небрежно сказала Парусная Регата, однако с места не сдвинулась. Затем присела на корточки и, махнув нам рукой, мол, идите подальше, опустила голову. Серафим отвел коня от замершей на корточках девушки, расседлал, и тот обрадованно ринулся на волю. Мы вовсю ворошили сено, когда появилась Парусная Регата. Молча села подальше от седла. Мы с Серафимом не выдержали, рассмеялись. Видимо, и ему, как мне, пришло в голову одно и то же: седло для нашей наездницы теперь ненавистно на всю жизнь... Глядя на нас, хохочущих, покрытых сенной пылью, потных, она тоже стала смеяться. И я спросил у нее:

— Слушайте, не называть же мне вас и в самом деле Парусной Регатой?

— Не называйте и в самом деле! — живо откликнулась она.— Меня зовут Дина. Диана. Как вам нравится больше...

— Ну вот и славно, а то черт знает что за прозвище...

— А вы — Писака? — посерьезнев, спросила она.

— Увы! — кивнул я.

— Почему увы? Вам тоже не нравится ваше прозвище?

— Увы, потому что прозвище всегда больше соответствует человеку, нежели имя...

— Это потому, что вы, наверное, еще ничего путного не написали... Я, если хотите, помогу вам!

— Каким же это образом?

— Я расскажу кое о чем, а вы напишите роман. Только имейте в виду — это очень похоже на фантастику...

И вот здесь, на этих ее словах, я впервые подумал, что она говорит это не просто, а чтобы вызвать к себе интерес. Почувствовал и несколько иными глазами стал смотреть на нее и видеть ее другой. И еще я подумал, каким надо быть негодяем, чтобы обмануть такую...

Появилась все-таки! Как договорились. Стоит лишь один раз изменить привычке, сразу расплата. Никогда, ни с одной до нее не улавливался о встрече на будущее. Следовал этому своему правилу, горя не знал. И дернул же черт уступить этой... Не такой, как все, показалась. Расслабился, олух! Ну вот и расхлебывай, Польш!

Безгубый возвращался на своем «Урале» со стороны Дороги Старшего Брата. Был он в этот вечер далеко не в лучшем расположении духа. На душе, как говорится, кошки скребли. Конечно же, окончательно настроение пропало, когда он, прождав битый час, понял, что сегодня заказчик на условленном, как ведется, месте не появится.

Хуже нет иметь дело с необязательными людьми. Видите ли, он, Польш, должен неукоснительно соблюдать все правила игры. Только он не железный! К черту! Надоела эта добровольная кабала. В следующий раз появится, выгоню. И что за жизнь! Одни делают свои дела не прячась. А тут ни дня, ни ночи... Договорились ведь. Приехал ко времени. Ждал еще час. Ни шиша! Может, мотоцикл у него сломался? Бывает... По камням Большого Брата один раз подняться и спуститься не всякий горазд, да и не всякая машина выдержит... Наверное, что-то с мотоциклом. Тем лучше. Хоть поплю нынче по-людски.

Это была одна кошка. Поскребла малость и вроде бы успокоилась. Появление Парусной Регаты — другая кошка. Правда, скребла она пока совсем не больно. Можно и потерпеть пока. Не давала покоя — старая, облезлая. Та самая кошка, которая подбиралась и запускала в душу Полины сразу четыре свои когтистые лапы, едва Безгубый вспоминал Большого. Ненавистнее человека в его жизни не было.

Все Большому сходит с рук. Надо ему сено, свистнул Няяцько. Тот, как верный пес, тут как тут. Сам грузит, сам разгружает. Захотелось кабанятинки, пожалуйста! Прибывает самолично с лицензией в кармане... У Димитрия — праздник! Как же, Большой прибыли! Тут и начинается суета сует. Костер разводится. Барашек под деревом блеет... Одна отрада — Скрипач сам не свой. Если бы не Димитрий... Да. Если бы Скрипач ока-

зался лесничим, а не просто лесником-егерьком, туговато пришлось бы Большому...

Безгубый в этот момент испытывал к Серафиму двойственное чувство. С одной стороны, он был вроде бы благодарен егерю за его отношение к Большому. С другой, ненавидел лесника за его вездесущность. За его честное отношение к своему долгу.

Проклятье какое-то. Бывает, не видит Скрипача два-три дня — сам не свой. Обязательно улучит момент, чтобы заглянуть тому в его узкие зенки. Не пронюхал ли чего? Не догадывается ли о чем? Заглянет, убедится, вроде на душе спокойно...

Вот и сейчас, притормозив у Родникового камня, Полина решил заехать к лесникам. Подкатил к ограде. А на воротах кобелек с колючей мордой. Голоса не подает, урчит. Словно уговорился с хозяином ненавидеть Полину и следить за ним.

— Ну-ка, поди сюда! Как тебя там, Небритый, кажись!

Небритый насупился, присел на передние лапы. Он действительно ненавидел подъехавшего к воротам человека. От этого человека пахло страшно. Этот запах был сильнее ядовитого выхлопа мотоцикла. Небритый не боялся этого человека, но знал от Мустанга, что дух, исходящий от ног и рук приехавшего, называется страшным...

— Не хочешь подойти, подлец, ну и черт с тобой...

Полина понял, что в доме ни души. Развернулся и покатил на покосы.

— Все, друзья! Выдохся.

Писака отбросил грабли и повалился рядом с Парусной Регатой в ворох слегка подвяленного сена.

— Я сейчас,— отозвался Серафим и еще энергичнее стал копнить.

Он работал на дальнем конце делянки, где сено уже пересыхало. Торопился, чтобы не перегорело...

— Вы очень устали, Писака? — спросила Парусная Регата, садясь к нему поближе.

— Как никогда,— ответил тот, не поворачивая головы.

Он блаженствовал, полуприкрыв глаза, высматривая на потерявшем солнце небе первые звезды. Вокруг заливались сверч-

ки. И голос перепелки украшал их бесчисленный хор тревожно-грустным лейтмотивом.

— От вас больницей пахнет,— проговорила Регата.

— Не так просто избавиться от этого запаха,— вздохнул Писака...

— Какой славный перстенок у вас.— Регата потянулась к руке Писака.— Камешек нежно-зеленый! Чудо!!! Покажите, пожалуйста!

Писака снял перстень, протянул Регате. При этом руки их встретились. Его горячая, дрожащая от только что терзавшего напряжения сил, ее прохладная, мальчишеская...

Послышался гул мотоцикла. Они обернулись. Аккуратно подрулив к вороху сена, где лежал Писака и сидела Регата с перстнем в руках, Полина заглушил мотор и спросил:

— Воркуете?

— Привет! — ответил Писака и настороженно покосился на Регату.

— Воркуем,— ответила девушка. Тут же вернула перстень Писаке, поднялась и пошла к Серафиму.

— Как здоровье? — спросил, усаживаясь на место Регаты, Полина.

— Как видишь, лучше.— Писака водворил перстень на место.

— Славная вещь! — кивнул на перстень Безгубый.— По моему, антиквариат...

Писака промолчал, выжидающе глядя на собеседника.

— Я бы купил,— снова проговорил Полина.

Писака не ответил. Он глядел вслед удаляющейся Регате.

— Вижу, нравится! — усмехнулся Полина.

— Хороший человек,— наконец ответил Писака.

— Вы подружились? — спросил Полина и снова усмехнулся.

— Славная девушка,— произнес Писака.

— Странная,— заключил Полина. И добавил: — Замуж хочет, аж пищит. Давай их с Серафимкой поженим. Представляешь — свадьба на яйле. А ты напишешь рассказ и назовешь его, скажем, «Любовь на плато» или «Любовь под облаками».

Писака не ответил. А Полина и не ждал никакого ответа.

Он откинулся на спину и захохотал. Смех его долетал до Регаты и Серафима. Они оглянулись. Постояли и пошли назад.

— Чего надо?! — Это подошел Серафим и уставился на развалившегося Безгубого.

— На тебя посмотреть приехал, — ответил Безгубый и поднялся. Он был выше ростом. И Серафим отступил, чтобы не глядеть на него снизу вверх.

— Посмотрел и катись, — отрезал Скрипач и отвернулся.

— Тьфу на тебя, дикарь, — хохотнул Полина и пошел к мотоциклу. Запустил движок и был таков.

— Знаешь, не его мотоцикл тогда я слышал у Родникового, — пристально глядя вслед удаляющемуся красному фонарику стоп-сигнала, обронил Серафим. — Еще когда тебя везли в больницу, слушал. Не он тогда был у Родникового. Кто-то другой увозил тогда косулю... Другой. Но не без участия этого паразита...

— Пора уходить, — позвала Парусная Регата.

Серафим взял инструмент, а Писака седло. И они не спеша пошли навстречу бегущему от дома Небритому.

Сразу за полночь на туристскую стоянку, светя подфарниками, с выключенным мотором прикатил мотоцикл. Знающий человек сразу бы определил по силуэту: приехал Полина. Однако, осмотревшись, увидел бы, что «Урал» коменданта стоянки стоит на своем постоянном месте, под навесом, рядом с кухней. Почесал бы этот знаток за ухом, потряс бы спросонья головой. В лучшем случае подумал, что Полина приехал на чужом мотоцикле или — Полина только что приехал, а под навесом стоит еще чей-то «Урал». Так был похож на Полину и ростом и манерами приехавший. Однако думать так было некому. Лагерь в эту ночь был пуст. Очередная группа должна появиться часов через восемь. Предыдущая же группа ушла со стоянки минувшим днем.

— Спишь, Полина? Ну и дрыхнешь, хоть из пушки стреляй!

Безгубый с ворчаньем открыл глаза, обалдело затряс головой. Сон уходил. Дикарь какой-то сон. Вроде он, Полина, глядится в зеркало и видит, что у него на лбу глаз. Один большой глаз вместо двух, как было всегда у всех людей... Полина

знает, что это сон, потому не расстраивается, а старается как следует рассмотреть этот глаз, запомнить — в другой раз такого может и не присниться... Полина еще раз тряхнул головой и сипло сказал:

— Это ты? Что так поздно? Случилось чего?

Человек сел на топчан напротив:

— Не поздно, а рано. Гляди, время — четвертый час...

— Значит, случилось что?

— Ничего страшного! Выпить есть?

— Найдется! — Полина нагнулся, достал из-под топчана, на котором сидел гость, бутылку. — Закуски нет. Вернее, долго хлопотать...

— Да ты ж знаешь, что для меня это, как говорит ваш Большой, нэньки-вытрэбэньки! Вот тут полторы сотни, надо срочно. У кореша свадьба, дочку выдает... Ты знаешь моих друзей, это не шалей-валяй абы как...

Полина взял деньги.

— На днях попытаюсь. Мне кажется, они что-то заподозрили...

— Да брось ты! Скрипач уже целый год подозревает, а толку с того...

— Дело не в Скрипаче. Тут объявилась одна девица...

— Во-от! Я ж тебе говорил, завязывай с бабами... Бабы нас губят...

— Ну хорошо, сегодня я сделаю одного... А завтра еще одного.

— Завтра еще одного? Не-е, так я не договариваюсь...

— Ну не хочешь, как хочешь... Рисковать не люблю. Очертя голову — нет. — Безгубый бросил деньги на колени гостя.

— Ладно. А кто с девчонкой?

— Писака.

— И ты его испугался?

— Сам по себе он вроде ничего, но вместе с этой лунатичкой и он может стать опасным.

— Ты, я вижу, совсем заперезживал. Все это нэньки-вытрэбэньки!

Происшествие в «ресторане «Ландыш»

Парусная Регата сидела в глубоком каменном кресле в «ресторане «Ландыш». Серафим разрешил ей бывать тут. И она несказанно благодарна этому с подкупающим добродушием глядящему на нее человеку за все, что он успел для нее сделать.

Ландыши уже отцвели. Но Дине не жалко того времени, когда в щелях розовых скал, как в вазонах, дышали необыкновенным ароматом крошечные гирлянды молочного цвета капель... Иные говорят, когда тяжело, необходимо выговориться, выплакаться, сразу легче станет. Но Дина считает иначе. Во всяком случае, ей надо было перемолчать свое горе... Да, тогда случившееся с нею было горем. Это сейчас...

И все-таки дурочка ты, Диана, настоящая Парусная Регата! Такое ляпнула: расскажу вам кое о чем, а вы напишите потрясающий роман... Ему каково было слышать?! Глупость какая! Это сейчас как будто ничего и не случилось. И все благодаря этому волшебному месту. Выходит, есть на земле такие точки, где человеку, как бы безнадежен тот ни был, уготовано не только спасение... А что еще может быть? Что важнее спасения? Что?! Не просто же так, ни с того ни с сего выстроилась эта фраза?! ...Уготовано не только спасение, а... Что? Может, не только спасение, но и... бессмертие!

Дина зажмурилась и шепотом, замирая после каждого слога, медленно произнесла:

— Бес-сме-ррр-тие...

Гулко билось в прижатый к груди подбородок сердце. Стало теперь не страшно, а легко и радостно. Да так, что даже голова кругом пошла. Дина поднялась, подошла к краю скалы. В полушаге от нее обрывалась вертикальная стена пропасти. Туда лучше не смотреть. Дина глядела вдаль — туда, где в дымке зеленой долины лежал ее родной город... Справа срывалась просекой вниз Дорога Среднего Брата, или Дорога Риска. Там, где она кончается, далеко внизу, за поворотом лесной дороги, пионерский лагерь, в котором она отработала первую смену... Из последних сил добивалась... Жила как во сне, часы, минуты считала, когда можно будет все бросить и прилететь сюда...

А он еще молодой. Выглядит Писака старше, потому что

седой и толстоватый... По глазам видно: не старые они у него, спокойные-спокойные, прямо странно. Может, это после болезни такие глаза становятся?! Видно, здорово его прихватило. Вчера сено ворошит, а у самого от напряжения руки дрожат, голос рвется... Гляжу на него, говорю слова какие-то, а руки, прямо спасу нет, тянутся взять у него вилы, отнять его у непосильной работы... Это поначалу такое желание было. А потом, когда вернулись к дому (Скрипач нес вилы и бидон из-под воды, а он седло — будь оно неладно! — а я плелась следом), черобой затеяли пить, захотелось мне голову ему на плечо положить. Даже голова, как сейчас, закружилась...

Дина отпрянула от края, опустилась в кресло, замерла...

Дина появилась на стоянке в полдень. Смена в пионерлагере закончилась накануне вечером. Многие воспитатели и вожатые уехали последним автобусом в город, чтобы хоть перевести дыхание перед второй сменой. А ей в тот вечер не повезло. Не приехали родители за тремя девочками. Пришлось ночевать с ними в полупустом лагере. Жутковато было. Утром прикатили их родители, и вожатая наконец освобожденно вздохнула. Расчет она уже получила, начальник лагеря пытался уговорить ее остаться на вторую смену. Упрямый мужик оказался, не отставал от нее, пока не заявила, что не может оставаться в лагере, потому что выходит замуж. Сказала — не дрогнула. Ей самой сразу же стало казаться, что все именно так и получится: появится она в лагере, и Поль повезет ее на своем «Урале» в загс. Будут они спускаться Дорогой Младшего Брата. Она за его спиной одной рукой держится за его широкий брючный ремень, а в другой букет альпийских цветов.

Он ведь и сам так устроен, что без фантазий не может. Когда иссякают фантазии, он... он скучает... Нет, болеет. Да! Именно так и должно быть. Он болел потому, что утомилось воображение. Сейчас пойду к нему и скажу... Я ему скажу: я пришла к вам, чтобы вы больше не болели. Вы не будете больше болеть, потому что... я умею ходить по воздуху... Интересно, удивится он или нет?! Может быть, вовсе не удивится. Подумает, что чокнутая! А возможно, рассмеется. Я еще толком и не раз-

глядела, как смеется этот человек. А он спросит... А если он спросит: неужели ты умеешь это делать? Или скажет: это невозможно. Тогда я разочаруюсь. Он станет мне неинтересен. Я заплачу по нему, прошлому, по нему — такому, каким еще мгновение до этого представляла. Интересная мысль: человек всякую новую секунду — другой. Хорошо, если новый. Плохо, если с каждой секундой — хуже. Нет, я просто ненормальная. И все же. Вдруг он попросит: походи! Тогда я ему отвечу так: давайте вместе. Я только вместе с любимым могу... Нечестно с моей стороны так разговор поворачивать. Он может во мне разочароваться. И даже не пожалеет обо мне, той, какой представлял минуту до того... Откуда такая уверенность? Наверняка он обо мне вовсе и не думает, а думает о... ну скажем, о жене или о другой какой женщине...

Дина поднялась и шагнула к краю пропасти. И не упала, возможно, только потому, что совсем не боялась, потому что в те мгновения ей казалось, что она и в самом деле умеет ходить по воздуху.

Сильный рывок за руку вывел ее из оцепенения, бросил на камни. Она вскрикнула и прижалась щекой к розовому камню.

— Идиотка! — услышала, как сквозь сон, голос.

Подняла глаза и сквозь волосы, упавшие на глаза, увидела горные ботинки, надетые на шерстяной носок с заправленными в них темно-синими трико.

— А, это ты, Полина? — недовольно пробормотала Дина, поднимаясь.

— Иди-от-ка! — враспяжку повторил Безгубый.

— Не переживай, я просто пыталась полететь.

— Идиотка-а-а! Ты почему до сих пор здесь? Я ведь просил тебя убраться с яйлы!

— А ты думал, что я из-за тебя решила броситься в пропасть?

— Последний раз говорю — убирайся отсюда по-хорошему... — неожиданно спокойно произнес Безгубый. — На что ты надеешься?! Не на что тебе надеяться!

— Я тебе не мешаю. Яйла не твоя... — ответила Дина.

— Скрипача, да? Его, думаешь, яйла? — расхохотался Без-

губый.— Дудки. Я тут хозяин. Только я. А Димитрий и Скрипач клоуны, сторожа. Сторожа, и только!

— Полина,— говоря это слово, Дина медленно пошла к нему,— хочешь, пойдем вместе? Я буду крепко-крепко тебя держать. Не бойся! Еще крепче, чем в ту ночь. Помнишь?! Давай, а? Походим над землей. Ты не представляешь себе, как хорошо будет?

Безгубый опешил. Такого поворота, во всяком случае после своего наскока, он не ожидал. Замешкался оттого, что чуть растерялся, и это едва не стоило ему жизни. Дина вцепилась в его штормовку мертвой хваткой. Она оказалась почти на голову выше Безгубого. Неожиданно для него сильной. Она тащила его к краю скалы. Но не столкнуть. Он это понимал. Если бы хотела столкнуть, она бы себя оберегала. А так она тащила его за собой. Безгубый, изловчившись уже у самого края, ударил Дину в грудь. Она охнула и отпустила полы штормовки. А сама, как показалось Безгубому, оторвалась от края скалы и зависла над пропастью... У него зашевелились волосы, он зажмурился, ожидая крика. Он вдруг представил себе Дину, лежащую внизу на камнях...

Но крика не было. Безгубый открыл глаза. Дина сидела на камне, похожем на кресло, потирала ушибленные колени. На Безгубого не смотрела.

— Эх ты, глупец! От счастья отказался...

Безгубый затряс головой, отступил от девушки и вдруг тонко рассмеялся. Заходясь смехом все больше, смехом, искажавшим болезненной гримасой его ставшее вдруг некрасивым лицо, он, пятась, отступил от Дины, потом, резко отвернувшись, смолк и быстро зашагал прочь.

Она смотрела вслед ему, и ей казалось, что розоватые камни, которых касались его ноги, становятся серыми. Видела, как над этими холодеющими на глазах обломками величественных скал кружатся пестрые мелкокрылые мотыльки. Дина отвела глаза, на один из плоских камней опустилась шустрая пичуга. Попрыгала, попрыгала и упорхнула. Дина поднялась и увидела, как рядом с камешком, напоминая маленькую молочного цвета гирлянду, покачивается стебелек цветущего ландыша,

Первая половина самого длинного дня

— Появилась она на кордоне недели две как,— без просьбы стал рассказывать Скрипач, когда мы, едва забрезжило, наскоро позавтракав, прихватив косы, воду и немного провизии, двинулись на луга.— Мы только поужинали. Димитрий пошел в дом, а я на сеновал. Усталые оба. Сенокос только начался. Сам знаешь, как с непривычки, попервах, намахаться косой. Упал я в прошлогоднее сено, только глаза смежил, слышу — кукушка. Вот те на, думаю, не успел уснуть, как пора подниматься, утро, значит! Не может же кукушка ночью голосить. Высунулся на улицу — ночь. Луна сияет. Вечерницы носят. Пищат. А кукушка заходится. Откуда?! Стоп, думаю, я не я, если не проверю самолично. Кликнул Небритого, и на голос двинулись. Гляжу, мой Небритый как-то странно себя ведет. Эге, думаю, нечистое, значит, дело с этой кукушкой, коли собака реагирует. И впрямь, зачем собаке на кукушечий голос лаять?! Прошел я к Родниковому камню, вижу, человек на нем сидит. Увидел силуэт. Кукушечий голос начисто пропал. Голос-то прекратился, а собака не унимается. Рвется к человеку на камне. А тот не шелохнется. Подумал, не мерещится ли. Не Лесовой ли мне снится? Решил окликнуть. А как? Не в пятнадцатом же веке живем. Не скажешь ведь: сгинь, пропади... Потоптался я, потоптался да и говорю: добрый вечер. Привет, отвечают с камня. Ну я тут и смекнул — девица на камне. Сгорбилась, подол на колени натянула. Сам знаешь, как тут бывает вечерами. Я подошел к ней. Это вы, мол, куковали? Нет, отвечает. Я присел рядышком. Камень еще теплый. Дело в том, поясняю я, что по ночам кукушки не кукуют. А сейчас не ночь, не соглашается она, а всего лишь вечер. И вечером они, поясняю дальше, помалкивают. Ну и ладно, отбривает она меня. А я ей — кто, мол, такая? А она — студентка. Ну и слава богу, отвечаю, что не туристка. И поясняю, что туристов, особо туристок, терпеть не могу. А она — почему? А я ей говорю, что не туристы это, дуристы, то есть вредители природы... И так далее, слово за слово. Привел я ее в дом, черобоем угостил, подселил к Димитрию. Тот утром прибежал к сеновалу, свистит этак тихонько.

Чего? — спрашиваю, а он кивает на дом, мол, не твоя ли, Сима, девушка.

— А знаешь, я тоже подумал, что это твоя девушка, — перебил я Скрипача.

Скрипач так же неожиданно, как начал свой рассказ, смолк. Впереди открывалась яйла с нетронутыми травами, омытая щедрой росой, очарованная начавшим клубиться под первыми лучами солнца ночным туманом.

— Так это она куковала? — спросил я.

Скрипач помолчал. Я почему-то подумал, что не ответит.

— А кто его знает! — ответил Скрипач. — Может, и она.

Косили мы с частыми передышками. Из-за меня. Уставал я быстро. Рядом со мной и Скрипач работал медленно. Не хотел, чтобы я почувствовал себя окончательным слабаком... Когда пошли обедать, вернулся Димитрий. Распорядился, и мы стали готовить вилы и грабли. После обеда на кордоне появились туристы, которых Димитрий и Серафим повели на первые покосы сено копнуть.

Мы с Диной остались на хозяйстве.

— Наконец мы с вами одни, — сказала она почти весело.

Возможно, то же самое сказал бы и я, если бы она не опередила меня.

Теперь же мне пришлось говорить другое:

— А вы этого что, очень хотели?

— Чего именно? — вопросительно поглядела она.

— Неужели не ясно, что я имею в виду?

— У меня сегодня особый день... — Она явно игнорировала возникший в нашем диалоге нюанс, возникший, как я считал, по ее инициативе. — Со мной такие дни случаются редко. В такие дни я не такая, как всегда. Я ничего не боюсь: ни высоты, ни слов, ни темноты, ни боли... Верите?

Я пожал плечами. Разговор принимал какой-то несерьезный характер. Несерьезный не в том расхожем смысле, мол, разговор ни о чем. Несерьезный разговор в смысле на грани нелепого. А я этого не желал. Я даже было рванулся из-под навеса, бесцеремонным молчанием давая понять назойливой болтушке, что не намерен больше терпеть ее трепотню, что я в конце концов

устал, что мне после болезни устать пара пустяков, что я в конце концов имею свое, пусть маленькое, даже мизерное право поступать как мне заблагорассудится, что сейчас, именно сию секунду, мне захотелось завалиться на сеновал, расслабиться и забыться послеобеденным сном...

Но она решительно встала у меня на пути.

— Вы не хотите со мной общаться? — спросила она, и в голосе ее, до сего момента чистом и выразительном, послышалась хрипотца, хрипотца ни за что ни про что обиженного ребенка.

— Дина, милая, я устал, у меня ноги подкашиваются. Честное слово, мне сейчас не до высоких материй. Часа через два — пожалуйста... Хорошо?

Она сразу же посветлела, откинула двумя руками падающие на лицо волосы, согласно кивнула.

Я с облегчением почти побежал через двор к сеновалу и по приставной лесенке взобрался наверх, упал навзничь и сразу же забылся. Казалось, прошло совсем немного времени, когда я сквозь сладостное забытие почувствовал легкое беспокойство. Подобное тому, которое всегда испытываешь на густо населенном пляже в момент переодевания. Из-за этого я и не люблю купаться на таких пляжах, предпочитаю безлюдные уголки побережья, которых, слава богу, все еще достаточно в нашем краю... Но беспокойство прошло, потому что начался сон. Нежный и невероятный, поскольку снилась мне жена. Она стояла посреди зеленого луга и глядела на меня. Луг был утренний, но уже без росы. Роса только что улетела, трава под ногами еще не накалилась, была шелковистой, прохладной. Я это чувствовал, потому что сам стоял босиком. Только я двинулся к ней, как передо мной расступилась почва, появился ручей. Мне бы его перескочить, да и дело с концом, а я замешкался, примериваясь, пока прикидывал его мизерную ширину, она и удвоилась. Я — вброд; глубоко — вплавь; выбрался — глядь, ни луга, ни жены... Комар над ухом зудит, он-то меня и разбудил. С закрытыми глазами пытаюсь отмахнуться, а он со щеки на лоб, со лба на нос перемещается... Аж разозлил меня. Резко поднимаюсь и от ослепительной вспышки в закрытых еще глазах, от боли падаю в исходное положение — навзничь. Какое-то

время ничего не вижу. Чую лишь: кто-то гладит мне лоб торопливо, ласково... Как сквозь туман вдруг проступило лицо.

— Это ты, Диана?!

— Извините, ради бога! Я не хотела. Вам очень больно?

— Да уж! Наверное, шишка будет. Обо что это я так шанда-ражнулся?

— Шишку мы не допустим, нет, не допустим,— суетливо зачастила Дина.— У вас монетка медная есть, пятак или три копейки?

— Да, где-то были,— я со стоном потянулся к карманам.

Пятак был горячий, и я подумал, что вряд ли он, такой, спасет меня от синяка.

— Извините, это я во всем виновата...

— Обо что же это я так стукнулся?..

— А вы что, до сих пор не поняли? — В глазах ее заскакали искорки. И я увидел, наверное оттого, что заглянул в них в упор, что они большие и глубокие, и окрашена эта глубина слегка голубым. Искорки эти вылетали из той глубины и в солнечном свете растворялись.— Вы об меня ударились.

— Как же это получилось? — Привстал я на локтях.

— Прошло два часа. Вы же сами сказали, что часа через два можно... Точно, я не обманываю, по часам сверяла. Я поднялась по лесенке к вам. Вы храпите... Чувствую, вам сон нервный снится, решила разбудить. Взяла соломинку и давай щекотать. Вы сначала рукой отмахивались, а потом как вскочите. Тут мы с вами лоб в лоб и встретились.— Она глядела на меня, готовая рассмеяться, ожидающая моего на этот смех согласия. Я кивнул с улыбкой, и она расхохоталась... Она отняла от моего и приложила к своему лбу все тот же пятак.

— Так что у тебя сегодня за день?

Она тут же изменилась лицом, подобралась, даже отодвинулась от меня.

— Как жаль, что потеряно целых два часа,— тихо проговорила она.

— Разве? — искренне подивился я.

— Потеряно, потеряно. Вы сами убедитесь, когда мы пойдем в одно место...

— Коли так, поспешим же,— распорядился я.

Мы двинулись к выходу с сеновала. Я выбрался первый.

— Ну что там? — нетерпеливо спросила она.

— Лестница куда-то подевалась,— сообщил я растерянно.

— А ну-ка пустите поглядеть.— Она проползла мимо меня с сеном в волосах. Я успел прочесть на платье набранные много раз и разным шрифтом два слова «Парусная регата».

— Лестницу кто-то убрал,— отвлек меня от посторонних мыслей ее голос.

— Не может быть, кому это надо было! — Я почувствовал раздражение.

— Не сердитесь, прошу вас.— Она приблизилась и рукой, пахнувшей прошлогодним сеном, провела по моей щеке, зацепив мальчишески жесткой ладонью край губ.

— Но надо же как-то выбираться.— Я старался говорить спокойно.

— Давайте съедем,— предложила она.

— Ну что же, давай,— согласился и тут же подумал, что мне в моих джинсах это ничего не стоит, а вот ей.

Я съехал, а она, видимо, сообразила, что ей будет неудобно.

— Может, вы поищете лестницу? — робко предложила она. Дина сидела на самом краю сеновала.

— Знаешь что? — предложил я.— Сигай так, а я тебя словлю...

— Ой, как славно, ой! Я и впрямь сигану.

С этими словами она плавно отделилась от края сеновала и медленно, словно на парашюте, опустилась мне в руки. Полет был как сон. Я любовался им. Даже голова закружилась.

— Ну как? — весело спросила меня Дина.

— Мастерский прыжок,— с неожиданной для себя интонацией горделивости произнес я.

— А я еще и стихи пишу,— переводя дыхание, заявила Дина. Я промолчал.

— Вы не огорчайтесь. Я не буду вам их читать. Обещаю. Я не хотела вам об этом говорить. Это просто от радости вырвалось. Я сегодня с утра мечтала. О... многом! О том, как подружимся, а тут совсем неожиданно... Это вы, вам спасибо, если

бы не вы, мне и в голову не пришло, я бы и не вспомнила, что умею...

— Фантазировать ты мастерица,— сказал я весело и приобнял ее за плечи.

Она тут же смолкла, замерла и посмотрела на меня вопросительно. Она была выше меня ростом, глядела слегка сверху. Ей было от этого своего преимущества, видимо, немного не по себе, поэтому она тотчас отбежала от меня, потом вернулась, схватила за руку и, таща за собой, затараторила:

— Пойдемте же скорее, пока этот день не кончился.

— Куда?

— Не спрашивайте, пойдемте же...

Мы почти бежали через луг, мимо Родникового камня, пока я не понял, куда она меня тащит...

— Да это же Серафимов «ресторан «Ландыш»!

— Вот именно. Это место, где мне уготовано было не только спасение, но и...

— Но и?

— Это слово нельзя говорить вслух. Потерпите, я вам его шепну, когда можно будет.

Она усадила меня в кресло, а сама присела рядом на корточки, положила голову виском мне на колено. Я чувствовал, как стучало в висок ее маленькое сердечко.

Было легко и счастливо. Дина приникла к моей ноге... Я понимал, что думать так, как я думал в тот момент, нехорошо, но ничего с собой поделаться не мог. Дина, прикорнувшая у моего колена, напоминала мне своей неожиданной привязанностью собаку... Хотелось сказать: напоминала щенка. Уж очень плохо звучит слово «собака», но сказать так — значит покривить душой. Я даже потянулся и погладил ее по голове. Она тут же поднялась и, глядя на меня загоревшимися глазами, сказала:

— А сейчас мы с тобой пойдем, поплывем по воздуху.

Вторая половина того же дня

В голову не приходило, что смогу хорошо подумать о Безгубом. Еще несколько минут назад был уверен, что никто, кро-

ме него, не бьет косуль у Родникового камня. Что именно он делает это — сердцем чуял, только доказать не мог. Уж очень хитер, уж очень осторожен браконьер. Только несколько капель крови на камнях, да и то не всегда оставляет. Родниковый камень рядом, однако ни выстрела, никакого иного звука ни разу не доносилось. Это значит, что бандит очень хорошо знает распорядок на кордоне. Делает свое черное дело, когда лесники заняты, когда им не до косуль, когда они далеко от Родникового камня... Кто же еще, кроме Безгубого, знает все это? Так думал. И вот за несколько минут все переменялось. Теперь уж и не знаю, что подумать. Только Дмитрий расставил туристов и те стали сгребать подсохшее сено, сбрасывать на кучи — мы метать копны собирались, едва Дмитрий произнес торжественное свое всегдашнее: «Приглашаю вас, господа туристы, отдохнуть от цивилизации!» (у него, сколько ни поправляй, всегда в этом слове ошибка!), — как притарахтел на своем «Урале» Безгубый. На меня, как всегда, ноль внимания, к Дмитрию. Вижу, что-то не в себе начальник стоянки. Среди прибывших туристов девчата — ничего, он же в их сторону и не покосился. Смекаю, что-то, наверное, случилось. И конечно же, первым делом о косулях мысль. Подхожу. Дмитрий, гляжу, совсем с лица поменялся. Губы трясутся. Грабли отбросил. Силится мне что-то сказать, а вместо слов — мычание. По жестам понял, что надо нам куда-то ехать, ибо Дмитрий показывал дрожащей рукой на мотоцикл. Впервые я видел его таким... Стоит тщедушный, с седым ежиком, в глазах слезы, хочет слово сказать, а изо рта невнятные какие-то звуки... Что же случилось? С его семьей что-нибудь? Однако размышлять, вижу, некогда, сажусь в коляску, Дмитрий усаживается на заднее сиденье, и мотоцикл, круто развернувшись, да так, что коляску на полметра от земли оторвало, рванул, но не в сторону кордона, а совсем в противоположном направлении. Сперва мчали мы по пересеченке вроде в сторону Дороги Младшего Брата. Но затем пересекли ее и, проехав мимо тисовой рощи, выскочили на самый большой, или, как мы его называем, гладкий, участок яйлы. Выскочили, и я сразу же понял, что к чему. Примерно в километре от нас над ровным, как стол, уже с заметно подгоревшей травой

плато в послеобеденном мареве высился искаженный дымкой до невероятных размеров грузовик с прицепом. Я так и подумал, что это КамАЗ. Безгубый затормозил, круто развернув мотоцикл у самого радиатора автомобиля. На этот раз я чуть было не вылетел из коляски. Грузовик поставлен был так, что землекопы находились в его тени. По следам вокруг было видно, что двое вконец измученных нелегкой работой потных, с обгоревшими лицами и плечами довольно немолодых мужиков вкалывают здесь с самого утра. Время от времени они разворачивали машину вслед идущему над Заманой солнцу, чтобы хоть немного укрыться от палящих лучей. Попробуй покопай землю в течение дня на открытой, как ладонь, яйле. Да при этом каждую минуту вздрагивая, вдруг нагрянут лесники! И вот мы нагрянули! Димитрий за время пути сюда обрел дар речи, однако с вопросами не спешил. Недавнее волнение выдавали только слегка подрагивавшие губы, обошел КамАЗ. На виду у потерянно закуривших мужиков не спеша вынул записную книжку и крупными цифрами внес в нее номер грузовика.

— А теперь мы составим акт,— чужим голосом произнес Димитрий.— Я лесничий Букового лесничества, это егерь Тисового кордона,— и указал на меня.— А этот гражданин,— кивнул на Безгубого,— комендант туристской стоянки!

— Ну зачем же так сразу? — пробормотал один из мужиков, как потом выяснилось, водитель грузовика.

— Можно и подождать, пока вы, любезные грабители, руки помоеете,— сорвался Димитрий.— Мы подождем! Давайте! Вам бумагу тоже придется подписывать. Мойте руки! От них землицей ворованной, словно кровью праведной, шибает!

Подавший голос мужик примолк. Зато его сообщник вдруг воспрянул духом.

— Извините, товарищи, я хотел бы объясниться. Вас, простите, не Димитрием Корнилычем величать? — просительно посмотрел второй мужик в глаза лесничему.

— Именно так зовут! — ответил Димитрий.

— Не надо серчать, Димитрий Корнилович! Сейчас я все вам поясню, и мы поладим!

Безгубый, небрежно сидящий на своем «Урале», даже на-

прягся, ожидая услышать что-то интересное. Я тоже подвинулся ближе к Димитрию.

— Дело в том, что мы разрешение имеем!

— Разрешение! — прошептал Димитрий. — Разрешение обдирать яйлу, которую природа веками строила. Да ты понимаешь, баранья твоя голова, что этот слой земли, который вы содрали сейчас, тысячу лет восстанавливаться будет? Ты понимаешь, что под ним камень, гора?.. Да если каждый станет... тьфу! — Димитрий плюнул и снова горько выругался.

Мужики, воспользовавшись паузой, наперебой зачастили:

— Нам сказали, что можно...

— Мы же от государственного учреждения...

— Сам начальник колонны занарядил нас...

— Да вы его знаете...

— Он говорил, что корешует с тутошними лесниками, еще и на охоту с вами ходит...

— Няятько?..

Когда прозвучало это имя, Безгубый сорвался со своего «Урала» и хохотнул. Плечи Димитрия опустились, и я понял, что время вмешаться мне.

— Няятько, — проговорил я. — Это он вас послал воровать землю?

Мужики сосредоточились на мне. Они глядели на меня испуганно. Жалкие потные лица, испачканные черноземом руки. Мне было немного не по себе. Я не мог так сразу обрушиться на людей значительно старше меня. Я не мог, но должен был. У них же сложилось мнение моментально. Имя Няятько, их начальника, тут знают и уважают. Ишь как лесничий-то сразу скис! Но не тут-то было. Лесничий, правда, растерялся. Не ожидал старик такого подвоха от своего Няятько. Не ожидал! Няятько же не посмотрел на то, что Димитрий относился к нему породственному. Няятько плевать на память, которая соединила его с Димитрием. Ну ничего! Я сменю Димитрия. Но сначала надо успокоить Безгубого. Смотрю на него. Он вроде и не замечает моего взгляда, продолжает хихикать. Тогда я подхожу к нему и кепку резко натягиваю ему на глаза. Голова у него легкая! Подбородок упирается в грудь, и Безгубый умолкает.

Сам не понимаю, как я решился на это! Но тут же, замечаю, мое бесцеремонное отношение к Безгубому, который помалкивает, словно воды в рот набрал, окончательно отрезвило землекопов. Смотрят умоляющими глазами. Я составляю акт.

— Может, обойдется,— подает голос водитель КамАЗа.

— Ага! Обойдется! — вновь включился Димитрий.— Передайте вашему Няятко, чтоб не попадался мне на глаза... Так и передайте. Характер ему мой известный... Так и передайте.

Акт подписали. Мужики сели у колеса. По лицам катится пот. Это уже пот отпустившего нервного напряжения, а не изнеможения.

— А теперь разгружайте! — распорядился я.

Мужики вскочили словно ошпаренные.

— Да вы что? Эту землю ждут внизу! — прямо-таки завопил водитель.— Нам без нее никак нельзя возвращаться. Десять дач. Возле дачи садик, огородик... Как по-людски чтоб! Нет уж! Штрафуйте, снимайте прогрессивки, но землю мы повезем! Повезе-ем! Не только для себя ишачили. Там внизу люди работают... На нас надеются!

— Выгружайтесь, выгружайтесь! — скалил зубы Безгубый.

— Да вы подумайте! Мы тут целый день корячились. Сил нет больше! — взывал водитель.

— И все-таки разгружаться! — распорядился Димитрий и направился к мотоциклу. Уже сидя в коляске: — Проследи, Серафим, чтоб распоряжение выполнялось, а я поеду за семенами, да и рацию на всякий случай прихвачу...

— Зачем рацию? — чуть не плача, простирая руки вслед отъезжающему мотоциклу, кричал водитель.

Я тем временем забрался в кабину, вынул ключ зажигания. отошел в сторону. Ругаясь, мужики полезли кверху, пооткрывали борта, и черная, как сажа, земля, потекла в траву.

— Эге! Так не пойдет. Скидывайте туда, откуда брали. Надо залатать дыру! А мы потом на том самом месте посеем траву...

Договорить я не успел. Оба мужика, не сговариваясь, соскочили наземь. Шустро подняли борта. И, не глядя на меня, ринулись в кабину. С минуту из нее не доносилось ни звука. И вдруг рев двух глоток: «Клю-ю-ууч!!! Отдавай!»

И вот они с лопатами наперевес двинулись ко мне.

Первое, что мне пришло в голову, бросить им этот ключ, и пусть едут. Все равно они на крючке. Отвечать будут. Но сообразил: отвечать-то они будут, никуда не денутся, а вот землю увезут, поделают, не станешь ее потом мешками наверх таскать. Нет, земля должна остаться здесь.

Мужики же рассвирепели окончательно. Морды злые, грязные. В руках лопаты. Ну, думаю, каюк полный надвигается! Разворачиваюсь я, значит, — и бегом. Куда им за мной угнаться! Я хоть и не Безгубый, но тоже на ногу легок. Рванул я этак в четверть силы, оглядываюсь, а они чешут следом. Выносливые, выходит, дядьки, есть еще силы. Я прибавил, оглядываюсь, не отстают. Ну клятые черти! Еще догонят. Тут я на всю катушку как припустил, они и отстали. Сели на камень, сидят, головы похилили. Я же через тисовую рощу рысцой прокрался и вернулся к машине. Когда они прибежали, я уже сидел в кабине, запершись. Сижу, а сам думаю: сейчас разобьют стекла и мне каюк. Они же бегают вокруг, лопатами замахиваются, но бить машину не смеют. Шоферский инстинкт сработал. Не поднимается у них рука на машину. Тем лучше. Я им показываю через стекло, мол, чем время терять, лезьте наверх, выгружайте кузов. Они же, демонстративно отвернувшись от меня, уселись на траве, курят... Тут я начал злиться. Что же это — до утра тут с ними валандаться придется! Опустил стекло и спокойно этак им внушаю, мол, теряете, граждане, время. Мол, с минуты на минуту здесь появится рация, и мы вызовем вертолет... Вставляю ключ, завожу грузовик. Он взревел и с места как прыгнет. У них, вижу, глаза круглые, в разные стороны как сыпанут. Машина медленно набирает скорость. Я уже и не рад, что разбудил ее. Выворачиваю руль. Так и получилось, что я вокруг ямы, выкопанной мужиками, стал крутиться. Круга четыре сделал, решил остановиться. Панель большая. Кнопки, рычажков черт его знает сколько. Нажал первый попавшийся. Сзади скрежет. Гляжу, кузов поднимается. Как машину остановил, не помню, вылез из кабины, когда кузов был пуст.

Наконец, Безгубый привез Димитрия. Взяв рацию, я стал манипулировать ею. Водители схватились за лопаты, и часа через

полтора яма была засыпана. Когда машина ушла, мы с Дмитрием стали рассеивать траву.

— Слушай, свяжись с лесничеством,— спохватился Дмитрий.— Пускай водовозку пришлют. Надо же полить.

— Ничего не получится,— ответил я.— В рации питание село!

Дмитрий чертыхнулся и пожалел о том, что отпустил Безгубого. Можно было бы привезти пару бидонов воды. На первый раз хватило бы. Теперь придется уповать на влажную ночь. Хотя бы роса упала. Так думал я. Но Дмитрий решил по-своему.

— Ты тут довершай сев, я а пойду. Мустанга ловить. Надо все-таки привезти воды.

Браконьер

— Походим?

«Она явно не в себе...»

— А что, вы не верите, что мы пойдем по воздуху?!

— Гм! В это всегда хочется верить...

— Вот видите, видите... Правильно. Надо только поверить!

Дина стояла на краю скалы. Казалось, одно неверное движение и она сорвется вниз. Я едва выталкивал из себя слова. Хотелось зажмуриться. Нет, схватить ее, оттащить от края пропасти. Но я боялся сделать и движение, чтобы ненароком не испугать ее. Я лишь нашел силы, чтобы улыбнуться и слегка кивнуть, приглашая ее сесть рядом. Она подошла и опустилась у моей ноги, как давеча.

Я облегченно вздохнул.

— Вы что, очень испугались? Дрожите так!

— Я боюсь высоты, Дина!

— А я не боюсь. Раньше боялась, а теперь как рукой сняло. Совсем недавно. Пришла сюда и поняла, что нечего бояться. Знаете, я никогда больше не пойду вниз. Там я как все. Бегаю, суечусь, сдаю экзамены... В школу? Не пойду я в школу работать. Хватит с меня практики в пионерлагере! Я хочу остаться здесь...

— Ну и переводись в лесохозяйственный институт. Вот и Скрипач собирается туда поступать. На пару двиньтесь...

— А что! Я с ним запросто договарюсь. Подтяну его по русскому языку. Он как-то признался, что пишет с ошибками. Он же меня по лесным предметам подтянет...

Я был рад, что она заговорила о другом, что она не возвращается более к навязчивой теме мифического полета.

— Отличная идея! — рассмеялся я облегченно.

— Спасибо вам за нее! — Дина потянулась ко мне и поцеловала в висок. Я даже смутиться не успел. Мне вдруг стало легко. Мне вдруг самому захотелось летать. Но я знал, что никогда этого не будет, что я не способен уже и мечтать о чем-либо подобном. Что я вообще тяжел на подъем. И еще мне подумалось, что жизнь — это спираль. По ней мы поднимаемся снизу вверх. Сначала маленькие круги. Во всем. В детстве нам снится, что мы летаем. Нам хочется узнать, в чем же секрет летучести. Крылья? Нет. У домашних птиц тоже крылья, но летают не они, а скворцы, ласточки, воробьи знают тайну полета, а мы нет... Может быть, я зря обобщаю! Может, это только у меня все так: жизнь по спирали, лейтмотив ее — полет. Жена тоже мечтала. Только она никогда не звала меня в полет. Она сама хотела летать. Сначала, еще до нашего знакомства, она прыгала с парашютом. Я и увидел ее на пригородном аэродроме. Пришел писать (тогда я еще работал в газете) статью к юбилею ДОСААФ. Она была инструктором парашютистов. Сели мы на Ан-2. Поднялись. Гляжу, мальчишки уставились перед собой, страшновато, чувствую, им. А она: расслабились, мальчишки! Те оживились. Даже заулыбались. Вспомнили, что они мужчины, что перед ними красивая женщина, которая тоже прыгает сегодня... Какой же это прыжок был у нее? Запомнил. Что-то за триста уже насчитывалось... Посыпались мальчишки как горох. Только слышно, как хлопают, распускаясь, шелковые купола. И вдруг не последовало хлопка. Она отстегнулась и затяжным вниз. У самой земли подхватила парнишку...

— Вы женаты, наверное?

— Был!

— Были? А что случилось? Неужели развелись?

— Нет.— «И вот теперь снова рядом человек, снова молодая милая женщина, да какой там, и язык не поворачивается назвать ее женщиной, девочка. Вряд ли ей более двадцати. И снова искушение полета».— Нет. Все было иначе!

Дина вздохнула. Она чувствовала, что дальше я не намерен продолжать. Она почувствовала даже большее. Это было заметно по тому, как поднялась, отвернулась и стала глядеть на готовое скрыться за отдаленный отрог Заманы солнце! Я невольно посмотрел в ту же сторону. Мы находились на самом высоком отроге горы. Их над Малиновой балкой три. Самый дальний — лесистый. Он же самый низкий. Где-то за ним пологими петлями лежит Дорога Младшего Брата. Обрыв под нашим отрогом самый высокий. Километра полтора по краю ущелья как раз напротив Родникового камня; там, где крутой стрелой взмывает Дорога Риска, еще один отрог. В вечерней перспективе было хорошо видно одинокое буквое дерево, заглядывающее с высоты в ручей. Туда приходит на водопой стадо косуль.

— Ты видела косулье стадо?

— Только издали.

— Мне хочется вблизи их рассмотреть. Однажды Скрипач взял меня с собой, да ничего не получилось: Небрый помешал, спугнул стадо. А я уже слышал стук. Ток-ток-ток... Копытца звонко так звучали... Но тут собака появилась, подняла шум... Такая досада. А сейчас лесникам не до меня...

— Жаль. Я вам сочувствую. Но ничего. Отсюда тоже неплохо видно. Они появляются, когда солнца уже нет в ущелье. Сразу же. Едва оно скроется, они появляются. Родниковый камень еще освещен. Я заметила. Они успевают напиться, пока камень еще освещен...

Дина подошла к краю обрыва, села, спустив ноги вниз, как будто уселась на камешек, будто ноги спустила не с высоты десятиэтажного дома. У меня даже слюна пересохла.

— Идите же сюда, садитесь рядом! Отсюда отлично видно!

— Я же тебе уже говорил, что боюсь высоты...— Чувствую, что терпение мое иссякло. И чего, какого рожна я тут с нею торчу?! Ругаюсь про себя, а найти предлог, чтобы уйти, не могу. Окончательно ошарашенный и ее напором, и своей скован-

ностью, сажусь рядом с Диной. И вдруг чувствую, что не боюсь. Что пропасть не пугает, не тянет вниз. Напротив, из нее, словно из мощного фена, тянет, дует широкий поток горячего воздуха. Ага, подумал я, это с долины. Днем там жарница, пекло, а вечером, когда в горах воздух остывает, и начинается этот круговорот обмена...

— Смотрите, смотрите, солнце уходит, а камень освещен... Сейчас они появятся.

Я еще подумал, камень-то освещен, но ручей почти не виден, там, внизу, уже тень. Я напряг зрение и стал всматриваться... Стадо цепочкой спускалось по невысокому пологому склону Малиновой балки.

— Эх, бинокля нет,— вырвалось у меня.

— Да, не помешал бы,— согласилась Дина.

Косули торопливо припали к воде. Только вожак стоял чуть в отдалении, бдительно вскинув голову... Я смотрел до рези в глазах, стараясь разглядеть его получше. Мне казалось, что я уже различаю на его маленькой гордой голове две веточки рогов. Вдруг он исчез. Я потерял его из виду. Еще успел подумать, что вожак отступил в более густую тень или смешался со стадом и пьет.

— Смотрите, кто-то спугнул стадо! — вскричала Дина и рванулась вперед. Я едва успел удержать ее. В следующий момент мы, онемевшие, глядели, как с ближнего к нам отрога, там, где заглядывает в Малиновую балку одинокий бук, снялась большая синяя птица и полетела в ущелье. Она легко опустилась у камня, на котором только что стоял вожак косульевого стада. Что за наваждение?!

— Что это было?

— Это летающий человек! — выдохнула Дина.— Я предчувствовала, что мы его сегодня увидим. Потому и привела вас в это место. Я теперь уверена окончательно, что над Малиновой балкой можно летать. Когда я первый раз увидела его, я подумала, что у меня галлюцинация. А теперь уверена. Вы же подтверждаете, что он летел...

— А если это не человек? Если это птица?

— Таких больших птиц тут нет, в этих горах самый круп-

ный хищник орлан-белохвост. Он в десять раз меньше грифа, а грифы тут не водятся. Они дальше, где людей поменьше... Я сама спрашивала у Скрипача. Он-то знает свой кордон...

Но тут она на полуслове смолкла. По противоположному пологому склону ущелья поднимался человек, неся на загорбке вожака.

Я смотрел на него, быстро идущего слегка наискосок к Родниковому камню, и думал о том, что это он сейчас летел со скалы вниз, чтобы взять добычу. Как ему удалось убить вожака? Почему мы, находившиеся всего в полутора километрах от Родникового камня, ничего не услышали? Ущелье донесло бы до нас малейший хлопок, а тут ни звука, ни возни. Не погляди в ту сторону, мы бы и летуна этого не заметили. Мы бы и на косуль не обратили внимания, не будь они мне так неожиданно интересны...

Через минуту мы услышали рокот тяжелого мотоцикла.

Я вскочил и бросился краем обрыва в Малиновую балку. Я хотел убедиться еще раз: все то, что сейчас произошло у нас на глазах, и есть загадка, над которой столько времени тщетно бьется Скрипач.

Лесовой или домовой?!

— Кось, кось, кося.— Димитрий уже битых полчаса приманивает протянутой кепкой с ячменем коня, но Мустанг и ухом не ведет. Едва старик приблизится, отскакивает с тихим, похожим на издевательский смех ржаньем, и все начинается заново. Вкрадчивая походка человека, умоляющие его глаза и почти уже отчаянное: кося, кося, кось...

— И где эта девчонка запропастилась,— с досадой шепчет Димитрий.— Он за ней как привязанный ходит, стоит ей лишь глянуть в его сторону. Прямо аж сверкает боками... Тут, понимаешь, надо спешить, пока не стемнело, траву полить, а он, волчья сыть, издевается...

— Эге-гей! — вдруг прокатилось по Малиновой балке. Димитрий даже вздрогнул. «Она кричит, девчонка. Уж не стряслось с нею какой беды?..»

Мустанг тоже поднял голову — прислушался. Пока он вертел головой да принюхивался, раздался снова голос:

— Эге-ге-ей!!!

Конь забыл о Димитрии и поплатился. Димитрий успел подобраться к нему и схватить за вдруг вспыхнувшую серебром гриву. Холодные удила клацнули о молодые еще, желтые зубы...

— Ну вот и ладненько, Муся! Счас мы водички оттартаем к Симушке, и будь здоровенький, гуляй себе...

Мустанг, кряхтя и вздыхая, принял на загорбок две перевязью соединенные двадцатилитровые фляги и нехотя поплелся за Димитрием вниз к ручью.

Димитрий уже навьючил Мустанга наполненными флягами, когда увидел на широком плоском камне свежий косулий помет и черные капли... Кровь?!

Капельки мелкие, едва заметные.

Опять?! И только что вроде... Я же в двадцати шагах эту скотину приваживал, если что, услышал бы... Как же? Колдовство какое-то... Димитрий опустился на камень: под левой лопаткой зануло. Не подумал, что сердце. Решил, что с непривычки тяжелые фляги поднял, вот и растянул мышцы.

— Димитрий Корнилович! — задыхается от быстрого бега Писака.— Что же это такое, а? Я все видел... Я видел, как кто-то перелетел, вернее, слетел вон из-под того дерева и приземлился здесь... Да вот и следы на отмели. Видите — «елочка», горные ботинки. Мой размер. Это же...

— Какой размер ты носишь?

— Сорок один с половиной...

— Так ты видел?

— Не я один, вот и Парусная Регата... Мы с ней вместе видели. Он слетел и приземлился. Но как смог убить?

Мустанг, увидев приближавшуюся Дину, забил копытом, заржал совсем непохоже на то, как это делал еще недавно.

— Ты видела? — повернулся к Дине Димитрий.

— Очень хорошо видела, как человек летел... И это уже второй раз... Раньше не говорила никому, чтобы не засмеяли...

— Ладно, идите домой, готовьте ужин...— распорядился Димитрий.— Сегодня у нас народу много будет. Туристы же...

— А что готовить? — Я понимал, что отдуваться придется мне. Дина совсем не производила впечатления соображающего в таких делах человека.

— Разведите костер. Барашек там под абрикосом...

— Что? — вырвалось у меня.— Я не могу барашка... Не смогу,— тут же поправился я и добавил: — Один не сумею...

— Мы этого не сумеем сделать,— повторила Дина.

Димитрий почесал за ухом, вздохнул и поманил пальцем:

— Берите коняку и дуйте на Плоскую, там Сима траву сеет. Надо полить ее. А я пойду управляться...

Дина взяла Мустанга под уздцы и повела за собой. Я смутно представлял себе, где находится Плоская яйла. Плелся следом. И удивлялся тому, как девчонка может сюсюкать, ворковать с конем, если минуту назад у нее на глазах совершилось столь жестокое, сколь непонятное деяние.

— Как ты можешь? — вдруг взорвался я.

Мустанг от моего окрика аж взбрыкнул и захрапел. Дина удивленно смолкла и посмотрела на меня сквозь упавшие на лицо волосы.

— Вы о чем? — тихо спросила она.

— Ну вот так щебетать, когда вокруг происходят столь ужасные вещи.

— Извините меня, я не очень понимаю, о чем вы говорите. Извините, я думала о своем и не поняла вопроса.

— О чем ты там еще думала?! — распалился я.

Лицо Дины оживилось.

— Я вдруг подумала, что каждый человек имеет свой мир. Представляете?! Мир-то вроде бы один на всех. Но у каждого он свой. Мы даже в цвете наверняка видим его разным. Вы чуть мрачнее, я чуть ярче. Краски имеются в виду. Вы слышите пчелу, я и пчелу и комарика. Вы видите траву, а я каждую травинку, а Сима каждой травинке название знает. А Нятыко видит лишь сено. Сколько людей, столько миров. Каждый из нас живет в своем огромном, бескрайнем мире. Он, как шар, этот мир. А ты в нем. И сквозь оболочку в него проникает

столько света, сколько ты хочешь, любишь, а точнее, приемлешь; к одним залетают жаворонки, а у других — жирные вороны кружат, один слышит соловья, а сквозь оболочку другого мира эти звуки не могут пробиться.

Я думал о том, что сейчас услышал, и мне было неловко за сорвавшийся недавно крик. Дина тотчас уловила мое настроение. Поразительно, насколько чувствительное сердце у этой девочки. Много, а возможно все, что происходит во мне, она чувствует и реагирует тут же...

— Вы испугались? — спросила она тихо и остановилась.

Когда я подошел, она провела прохладной, пахнущей конским потом ладонью по моей щеке.

— Да нет же! — снова с досадой пробормотал я. — Мне просто в голову не приходит, как ему удалось, во-первых, без выстрела убить, а потом слететь.

— Не волнуйтесь, ради бога, я вам все сегодня же объясню. — И, уловив мой недоуменный взгляд, подвела черту под этой темой. — Вы ведь на сеновале будете! Вот я к вам туда приду и все растолкую.

Издалека со стороны ущелья вслед уходящим к Плоской яйле Мустангу, Дине и Писаке неслась волшебная песня малиновки.

Лесенка на месте

Когда Димитрий вернулся от Родникового камня, у дома его поджидал Безгубый с мотоциклом.

— Тьфу на тебя, Полина, — хлопнул себя по бедрам Димитрий. — Знал бы, что ты здесь, да еще с транспортом, не валандался бы столько с этим упрямым конягой! Полчаса приманивал его...

— И что, не удалось?

— Та все удалось...

— Тогда где же конь?

— Повез воду. Надо же травку посеянную полить. Иначе первый же ветер выдует всю землю. А до будущей весны травка ее схватит. — Димитрий досадливо выругался и добавил, благо-

дарно глядя в глаза собеседнику: — Спасибо, Полина, вовремя ты нас предупредил, а то бы они укатили...

— Чего уж, на одной горе живем. Без взаимовыручки нам нельзя...

— Конечно! — кашлянул Димитрий.

— Ну Нятыко хорош, а, Корнилыч? Надо же, такую свинью подложил?!

— Не ожидал я от него... — согласно бормотал Димитрий. — Ужо я ему выпишу, стервецу, как только заявится. Но я знаю, не рискнет явиться скоро, я, он понимает, человек, если что, крутой.

— Да брось ты, Димитрий Корнилыч! Знаю тебя! Простишь, — смотрел исподлобья на старика Безгубый.

— Я? Прощу? Плохо ты меня знаешь, парень, — не на шутку разошелся Димитрий.

— Ну-ну! Посмотрим! — ухмыльнулся Безгубый. И вдруг, хлопнув себя по лбу, сделал вид, что его только что осенило. — Димитрий Корнилыч, а шоферы-то сбрежнули. Никаких дач автоколонне не выделяли еще. Пока лишь разговоры идут. — Безгубый от якобы только что поразившей его мысли на корточки опустился. — Голову мне оторви, Корнилыч, но это проделка Большого. Это он снова Нятыко использовал.

— Что же, завтра все станет известно. Завтра доставлю вниз акт, и все обнаружится!

— Полина! — окликнул его Димитрий. Тот резко обернулся нул было к мотоциклу.

— Полина! — окликнул его Димитрий. Тот резко обернулся и замер, пальцы на руле даже побелели... — Ты не сможешь мне барашка забить, а то у нас нынче народу много будет, сам знаешь, туристы...

— Отчего же, согласен. — Поигрывая ключом, Безгубый двинулся вслед за лесничим.

Димитрий и Полина сноровисто освеживали барашка.

— Да ты, я вижу, спец по этому делу, — не удержался Димитрий, глядя, как Безгубый ловко обдирает тушу, спасая овчину от порезов и крови.

— Практика, Димитрий Корнилыч, сколько лет на яйле.

Чай, не вегетарианец, тоже люблю шашлыком побаловаться, шурпы похлебать... Нальешь в кружку — нектар. После такой закуси никакие градусы не берут. Лишь настроение отличное.— И тут же без перехода: — Сколько платил?

— Кому платил? — не сразу дошло до лесничего.

— Я говорю, сколько чабаны содрали за барашка? — уточнил Полина.

— Так это же мой барашек.

— Откуда? Вот новость! — рассмеялся Безгубый.

— У меня свой гурт здесь. Мои овцы. Только чтоб надежно все было, я их отдал в отару одному своему, еще по партизанам, другу. Они при нем. Когда мне надо, я еду к нему, и все дела...

— А это идея! — снова хохотнул Безгубый и покрутил ус.— Это идея. Почему б и мне не заделаться собственником...

Полина двинулся к рукомойнику, Дмитрий пригласил Безгубого на «барашка».

Тот, отряхивая руки, сказал решительно:

— Извини, старина, но мне не с руки сегодня...

— Та чего не с руки? — удивился Дмитрий.

— Долго объяснять...

— Ты что, из-за девчонки, что ли?

Безгубый подошел к мотоциклу, вставил в замок ключ зажигания, нажал на педаль. Мотор отреагировал мгновенно...

— Ты прав,— заглушив мотоцикл, сказал Полина,— из-за нее. Ненормальная она. Я таких боюсь. И надо же мне было приваживать ее.— Полина подошел к Дмитрию и доверительно, вполголоса, словно боялся, что кто-то подслушает, проговорил: — Гоните ее, пока горя не хлебнули. Она не в себе. Гоните, пока чего не подожгла, пока не сотворила чего с собой или с кем-нибудь из вас... Я о ней наводил справки. Ее ведь из пионерлагеря полерли... Едва смену отработала. Поперли, несмотря на то что у них там людей и в первой смене не хватало...

— А с чего, говоришь, поперли? — приставил ладонь к уху Дмитрий.

— Лунатик она, лунатик. Когда весь лагерь насыпал, она бродила по берегу.

— А может, девчонка просто мечтать выходила? — предположил Димитрий.

— Какой там! — замахал руками Безгубый. — Она ходила над Черным обрывом, по самому краю. Вниз метров пятнадцать, а она идет с закрытыми глазами... Ну начальник лагеря и подождал, пока у нее заскок этот пройдет, проследил, когда она в лагерь вернулась, и на следующий день выставил.

— Страсть ишь какая, — пожевал губами лесничий. — Беда! Надо же. А мы ничего такого за нею не замечали. Хорошая девчонка. Отзывчивая. Правда, раз удивила меня. Утром, чуть свет, приходит ко мне, я еще лежал, и шепчет: «Димитрий Корнилыч, а у вас тут домовик живет!» Я ей спросонок — чего, чего, а она, мол, домовый у вас обретается. Ну я и рассмеялся. А она рукой машет: «Это, — говорит, — Димитрий Корнилыч, хорошо, коли домовый тут проживает. Домовый к плохим людям не поселяется...» Не домовик, я ей говорю, а лесовик тут водится. Лесовик. Это, мол, я доподлинно знаю. «Правда?» — обрадовалась она. А как же, смеюсь, Мустангом зовут...

— Ну вот, видишь, старина, чокнутая она.

— Ну и ладно! — вдруг оборвал разговор лесничий. — Спасибо за подмогу. Ты сегодня много мне помог. Прощевай пока!

И, повернувшись, кряхтя, наклонился над чашкой, поднял ее и под навес понес, выпятив худые лопатки, совсем уж стариковским шагом.

То, что рассказали Писака и Дина, невероятно. А может, я просто не способен воспринять это с тем спокойствием, которое помогает все разложить по полочкам, да так, что самое невероятное вдруг получает простое объяснение и перестает быть невероятным, более того — оказывается простым явлением, делом. Несомненно, это браконьер. И вовсе не летал он. Просто Динка задурила мозги Писаке, и тому показалось бог знает что! Динка фантазерка. То ей домовый, то лесовой грезится. Пойди разберись, когда она правду-матку режет, а когда мечтает вслух о несбыточном. Хорошо, хоть приставать перестала. На Писаку набросилась. Не позавидуешь Писаке. Ну ничего, сам разберется. За словом в карман не ползет. Если чего, и приструнит девчонку. Это я все боюсь не так глянуть на нее.

Серафим оглянулся. Молча, едва волоча ноги, топает за ним Писака. Бедняга, приехал отдохнуть, а она таскает его целыми днями по горам. Кажется, еще сильнее поседел, пока болел. Тоже достается человеку, раньше думал, что только я невезучий.

Димитрий неожиданно остановился, дожидаясь, пока Писака и Дина догонят его.

— Дина, ты лучше мне скажи еще раз, — спросил Серафим, — выстрела слышно не было?

— Нет! Ничего подобного. Да и из чего ему стрелять, у него и ружья-то не было.

— Обязательно ружье, что ли?

— А что же? — вдруг вмешался Писака.

— Можно и обрез, а у некоторых браконьеров и пистолеты бывают. Тут после войны, знаете сколько оружия осталось.

— Выстрела не было. Мы бы непременно услышали, мы же сидели над ущельем.

— Да, — согласился Серафим, — оттуда в тихую погоду слышно даже, как Димитрий по рации с городом разговаривает. Это вечерами, когда тихо и нет ветра.

— А как был одет ваш летун?

— По-моему, на нем был комбинезон или что-то в этом роде, — стала вспоминать Дина.

— А на голове шлем! — съязвил Писака.

Дина смолкла, чувствовалось, что она обиделась. Даже Мустанг недовольно зафыркал.

— Ну чего ты, Дина? — первым прервал молчание Серафим.

— Да, на голове у него был шлем, он очень походил одеждой на космонавта! Хочешь — верь, хочешь — смейся!

Писака расхохотался. Даже присел на корточки. Сквозь смех, как сквозь удушье, едва выговорил жалобно:

— Ну что выдумываешь? Я ведь там тоже был. Никакого на нем не было шлема. Скорее всего на нем был поролоновый лыжный костюм... Синего цвета...

Возле Родникового камня Мустанг захрапел...

— Чего ты, Муся, ну чего? — стала успокаивать его Дина. Конь притих, посверкивая настороженным глазом.

— Там кто-то прятался,— заявила Дина, когда они отошли от камня и им стало видно пламя костра.

— Мне тоже показалось,— пробормотал Серафим.

Писака зябко повел плечами и оглянулся. Он тоже вроде бы почуял спиной чей-то взгляд. У него было чувство, что в спину ему посмотрел зверь. Он где-то даже читал, что настоящий охотник зверя чувствует затылком...

Ночные разговоры

Нет же! Вожака никто не убивал. Стадо, напившись, отошло от воды и стало стеречь вожака, который припал к роднику. Мне это хорошо было видно, поскольку я теперь глядел на все это в упор с близкого расстояния и сверху... Как же это я так умудрился? Ага, я ведь вишу над ручьем в Малиновой балке, невесомый, бесплотный, неподвижный. Чудеса!!! Я завис, мы зависли с ней, Парусной Регатой. Это благодаря ей мне удалось разглядеть косулье стадо. Это она взяла меня за руку, и мы, оттолкнувшись от края среднего отрога Заманы, обрывающейся в Малиновую балку, побежали сюда, к Родниковому камню. Теперь понятно, почему ее прозвали Парусная Регата!

Писака со стоном открыл глаза. Их глаза встретились. Его — ослепленные фантасмагорией сна, ее — тревожные, поблескивающие.

— Вам снилось что-то тревожное? — участливо спросила она.

— Да! — ответил он устало. Его раздражало ее присутствие.

— Это после болезни. Скоро это пройдет,— говорила она, держа его за руку.

Он и проснулся с этим ощущением, что она держит его за руку.

— Неужели ты, Дина-картина,— решил он смягчить тон последних с нею разговоров,— не знаешь, что на спящего смотреть не полагается?

— Нет!

— Если смотреть на спящего, ему непременно жуть какая-нибудь приснится.

Дина, видимо в знак извинения, поднесла его руку к своему

лицу, ему показалось, что она хочет ее поцеловать. Он отдернул. А она с сожалением прошептала:

— Я хотела еще раз посмотреть этот ваш перстень. Он мне кажется очень красивым. Наверное, дорогой!

— Нашла время рассматривать. Целый день были рядом, могла бы сказать.

— Конечно, жаль! Но я его толком из-за Полины не разглядела. Вам его, наверное, подарили?

— Жена.

— Я так почему-то и подумала.

— И все-то ты предугадываешь, и все-то ты...— Писака запнулся, погасил вспыхнувшее вновь раздражение. «Ну зачем она пришла сюда? Или она в самом деле в меня влюбилась?!»

— Не обижайтесь, действительно я пришла к вам ночевать...

Когда она это сказала, Писака оторопел. Нет, он не испугался, он просто подумал, что чувствует она действительно так, как другим не снилось. У нее свой мир. Хорошо, что он ему дружествен...

— Я уже говорила одному человеку, что видела летающего над пропастью. Я не заметила тогда, когда первый раз увидела, что он охотился, что он убивал... Как только он опустился, я бросилась туда, но не успела. Посидела на камне, чуть не разревелась с досады, пошла к дому. Думаю, расскажу Серафиму и Димитрию. А у самого дома встретился мне Полина. На мотоцикле проезжал. Он обрадовался мне. Очень. Я тоже была очень рада. Я ведь к нему пришла. Сначала искала его на стоянке, а потом пришла к Среднему отрогу. Ландыши еще цвели. Последние. Я ему начинаю рассказывать, что видела только что... А он как разозлится! «Чего ты мелешь?!» — кричит. Пальцем у виска крутит. Короче говоря, посмотрел он на меня будто на чокнутую. Я чуть не разревелась. Вообще-то я редко плачу. Даже не помню сейчас, когда в последний раз и плакала... Расстались мы с ним так неожиданно, так обидно для меня. Пришла я сюда, стою как потерянная. Спасибо Скрипачу, за тащил в дом, чаем напоил. Уснула я. А утром и думаю: испугался Полина. Очевидно, испугался он моего рассказа. Но почему?! Может, суеверный? Непохоже на него! Значит... Значит, я

узнала что-то такое, что знал он, что никому, кроме него, не положено было знать... Я даже позавтракать не успела, как прикатил он. Отозвал меня и говорит, чтобы я немедленно отсюда убиралась, иначе худо будет... И уехал. Что такое случилось, что он за несколько минут переменялся ко мне?

— С чего ты взяла, что он вдруг переменялся к тебе? — думая о чем-то своем, спросил Писака.

— Ну как же! Когда мы расставались, он уговаривал поменять еще денек. Обещал по скалам поводить, научить из лука стрелять...

— Стоп, Дина! Ты мне сейчас подсказала одну мысль замечательную. Извини, я пока не стану тебе о ней говорить. Пусть она отстоится, а мы пойдем. Я вдруг есть захотел, зверский аппетит чувствую...

— Это значит, что вы отдохнули...

Они подвинулись к краю сеновала и снова не нашли лестницы...

— Да что же это за безобразие такое! — проворчал Писака. — Кому делать нечего?!

Дина дернула его за рукав. Он обернулся. А она шепчет:

— Да вы не шумите так. Он может обидеться!

— Кто он?

— Вы что, не догадываетесь, кто лестницу прячет?..

— Убей меня, не догадываюсь. Димитрий для этого довольно взрослый человек. Скрипач, что ли? Может, он из ревности?..

— Давайте спускаться, потом расскажу, коль вы такой недогадливый...

У костра туристов уже не было. Димитрий и Серафим пили черобой. И о чем-то не спеша беседовали. Около Серафима, сыто подремывая, лежал Небритый. Заметив подходивших Писаку и Парусную Регату, они смолкли.

— Осталось что-нибудь на зуб положить? — поинтересовался Писака.

— А как же, братка! Я знал, что ты проснешься и придешь.

Скрипач достал несколько шампуров, нанизал на них мясо и положил на еще пышущий мангал. Писака, чтобы не молчать,

поскольку чувствовал, что не вовремя нагрнул и некстати прервал их беседу, проговорил:

— Дина утверждает, что на кордоне есть домовой!

Дина, молчавшая все это время, поднялась и подтвердила: да, мол, она это утверждает.

— Ну что! Говорят, что домовой к плохим людям не поселяется,— с улыбкой в голосе проговорил Димитрий и вопросительно глянул на Дину.— Так, дочка?!

— Именно так, Димитрий Корнилович...

— Эх, жаль,— вмешался Серафим,— шурпу отнес в дом. Вкуснящая получилась. Пойду принесу...

— Посиди-ка, пускай, пока шашлыки поспевают, Дина сбегает,— остановил егеря Димитрий.

— А не забоишься, Дина? — спросил Серафим, а Писака подумал, что Димитрий Дину отсылает не зря: разговор ему надо продолжить. И точно, едва Дина отошла, он с вопросом к Писаке:

— А ты как себе думаешь, ведь я вижу, покоя и тебе не будет с этим летуном-браконьером? Мы с Симой и так судили, и так рядили.

— Я только что подумал, всего-навсего минут десять назад, что браконьер охотится с луком...

— Чего? Как? — вразнойой воскликнули Серафим и Димитрий.

— Ну так мне подумалось.— «Нелепицу какую-то сморозил. Что это еще за оружие. В нашем-то веке... Конечно, чушь!»

— С чего это ты решил? — помолчав после первого удивления и недоверия, спросил Димитрий.

Писака и рассказал, что поведала ему Дина.

— Вишь, Сима, как сходится. Я тоже на Безгубого погрешил.

— А я вам о чем целый год долдоню: Безгубый браконьерничает, Безгубый! А вы...

— Ну что я! Ты мне говоришь эмоции свои, как это там, ощущения — предчувствия рассказываешь. А мне факты нужны. Ну хоть с мизинец, но чтобы они живые были... Вишь, теперь есть два факта. И не с мизинцы они, а с хорошие кулаки...

— Какой же у вас факт, Дмитрий Корнилович? — с нетерпением, едва дождавшись конца тирады лесничего, спросил Писака.

— А то, что сразу же после того, как вы ушли с водой на Плоскую яйлу, я встретил Безгубого. Вернее, он ждал меня тут, у дома. И я подумал тогда: Безгубый всегда тут как тут сразу же после того, как на ручье прольется кровь. Замечал?!

— Да, и я вспомнил, — вставил Писака.

— Гляжу, собирается он уезжать. А мне неохота с ним расставаться... Хочется еще поглядеть на него, послушать его голос... Вот и попросил его барашка помочь мне обработать. Я вам скажу, умеет он все эти дела делать весьма ловко. Быстро управляется. Уж на что у меня опыт, а и то я раза в три медленнее со шкурой вожусь. Обязательно порежу ее или кровью залью. А у него руно без царапины, чистое... Но главное не это. Еще до того, как ему за барашка приняться, заметил я у него за ухом пятно. Как родимое. Ну, думаю, вдруг не родимое. Потому и заставил его барашка свежевать. Конечно, он забрызгался кровью. Я его под умывальник. Воды туда ведро набухал. Умылся Безгубый. Глянул я, нет за ухом родимого пятнышка. Нет, как не бывало. То-то. Он тащил козла на загорбке. Косуля кровь была у него за ухом...

— Ладно, допустим, из лука бьет. Допустим, у него мощный лук, стрелы тяжелые. Откуда он стреляет? Где его засада?! — размышлял Серафим.

— Ну в этот раз он бил со скалы... — проговорил Писака.

— А потом пролетел вниз, как ворон сизокрылый? — недоверчиво заключил Серафим.

— А ты не спеши, Сима, с уколами. Еще сегодня мы с тобой не понимали, как можно убивать без выстрела... Может, и тут такая же закавыка.

— Может. Только не надо забывать, что Безгубый через несколько минут оказывается здесь с мотоциклом. В коляске, проверял, нет ничего, что хоть отдаленно бы напоминало козла.

Дина протянула руку к полке за фонарем и тихо вскрикнула от неожиданности.

— Тихо, девочка! Садись у стола, потолкуем. Правда, чаю не успел приготовить, ты уж извини!

Дина пришла в себя. Глаза привыкли к темноте. С противоположной стороны стола, в самом углу, где тень гуще, сидел... Полина? Нет, голос не его... Кто же?

— Кто я, сие тебе, девочка, неизвестно. Много ты знаешь, о многом догадываешься, а еще больше болтаешь, как будто тебя кто за язык тянет...

— Полина, это ты?!

— Не болтай! У меня мало времени.— Ночной гость положил руку Дине на плечо, больно придавил.

— Отпустите, или я сейчас позову...

— Не позовешь... Я сейчас уйду, а ты должна исчезнуть отсюда завтра,— незнакомый поднес руку к лицу и поправился,— теперь уже сегодня, с восходом солнца. Сама исчезай и Писаку заberi. Хватит вам шляться по Замане. Тут не Булонский лес...

Дина успела заметить светящийся большой квадратный циферблат часов ночного гостя.

— А если мы останемся, что тогда?

— Пожалее очень, худо вам будет...

— Знакомые слова. Мне их недавно говорил один молодой человек... Вы так похожи на него...

— Не ври. Ты не видишь меня...

— Я? Заблуждаетесь, гражданин! Вам, наверное, Полина говорил, что я со странностями. Так вот, одна из моих странностей — видеть в темноте. Я сова. Я вас вижу как днем!..

— Тем хуже для тебя! — вскипел вдруг собеседник Дины. Потянулся к ней, схватил за волосы и, притянув к себе, прошипел ей прямо в рот:

— Уходи!

— А вот и не подумаю,— рассмеялась Дина. В это время она нащупала на полке фонарик и включила его.

Незнакомец этого никак не ожидал. Это был не Безгубый, но с глазами Безгубого — темными, спокойными, красивыми.

Опомнившись, он выбил из руки Дины фонарик, перебросил тело через стол и кинулся со двора.

Дина разыскала кастрюлю с шурпой, понесла ее к почти затухшему костру.

— Чего так долго? Мы тут уже беспокоиться стали.

— Вижу, как вы тут беспокоились. Небось и забыли обо мне,— сказала Дина. Поставила кастрюлю у огня. А сама не садится...

Чувствую, что-то не так.

— Что случилось, Дина? — опередил меня Серафим.

Уставился на девочку и Димитрий.

— Да так,— нехотя обронила Дина.

Я решил разрядить обстановку:

— Наша Дина, видимо, темноты боится или с домовым встретилась... Дина, ты же говорила, что тут живет домовый?!

— Не с домовым, а с привидением! — выпалила Дина и бросилась ко мне. Присела рядом, прижалась, дрожит...

— Уж не заболела ли ты, дочка?! — обеспокоился Димитрий.— Гляжу, бегаешь в одном платьишке... Ночи тут у нас не летние...

— Нет, нет! Я здорова. Слышите?! — Дина замерла.

От Родникового камня донесся звук мотоцикла.

— Безгубому не спится,— пробормотал Димитрий.

— Нет,— возразила Дина,— это не он.

— Откуда ты знаешь? — спросил я.

— С тем, кто сейчас уехал от Родникового камня, мы только что очень содержательно побеседовали...

— Интересно, о чем? — Димитрий поднялся, взял Дину за руку, вернулся на свое место и усадил рядом с собой.

— Во-первых, он приказал мне исчезнуть... Не совсем, конечно, а отсюда и прихватить с собой вас.— Дина указала на меня.— Если же мы не послушаемся, худо будет.

— И ты сидела клушей, слушала негодяя,— взвился Серафим,— не могла нас кликнуть...

— Я хотела увидеть его лицо. Как только я увидела, что кто-то в тени навеса притаился, сразу же подумала — это Безгубый. Сама не знаю почему. Голос у него другой... А когда мне удалось схватить с полки фонарик, я увидела его лицо. Это не Безгубый, но с его лицом...

— Выходит, и на самом деле привидение,— невпопад рассмеялся я и ощутил озноб, но чтобы как-то сгладить нелепость этой выходки, промямлил: — Ты сама утверждаешь, что существуют домовые...

— Ничего особенного, в лесу ведь живем. Если и есть, то, разумеется, не дедушка, что живет за печкой,— сказал прислушивавшийся дольше всех к затихавшему гулу мотора Серафим.— Я, конечно, не такой темный, как некоторые,— улыбнулся он,— потому что ничему толком не учился, но я точно знаю, что матушка природа большая умница. Помните, когда-то учебник назывался школьный «Неживая природа». Видимо, в те годы и втемяшилось человечеству, что природа — это просто деревья, трава, камни, дождь, ветер... Растащили ее, матушку, по видам и частям... Так ведь удобнее эксплуатировать. Разрушать, убивать, пилить, топтать... Нет, братцы, никакой фауны и флоры. Есть единое одно — п р и р о д а. Необъятное, мудрое... Живое... Есть в этом живом разумное начало. Оно и руководит. Вы видели, чтобы конь, к примеру наш Муся, топтал муравейники? Я как-то обратил внимание. Только проскакал этот неслух сломя голову. Рядом с муравейником копыта отпечатались. Рядом, но ни разу на муравейнике... Может, Мустанг и не соображает, что нельзя ступать на муравейник. Тогда как же? Что его копыта поставило рядом, а не на кучу? Природа всем этим руководит. У нее, выходит, много работы... всегда было этой работы у нее завались, а сегодня... Сегодня природы просто не хватает на все... Замордовали мы ее...

— Это уже целая теория! — усмехнулся Писака.

— Как хотите считайте, но я знаю, что постоянно рядом с каждым из нас витает ее стерегущий дух. Я всегда ощущаю дыхание ее... Может, поэтому верю, что в конце концов мы опомнимся... Может, поэтому и работаю тут... Со временем все должны почувствовать то, что я чувствую... Только так и дойдет до нас. Каждый почувствует и скажет: что же это я творю-вытворяю?!

— Выходит, назад — к суевериям! — снова не удержался Писака.

— Диалектика, братка. Не я придумал ее... По спирали.

На предыдущем витке этой пружины были суеверия, а теперь их назовут помудрее, научно. Скорее бы. А то некоторых уж очень слово «суеверия» пугает.

— Цивилизация,— изрек Димитрий и смущенно кашлянул.

— Так значит, я темная? — обиделась Регата.

— Я за такую темноту, Дина! — улыбнулся Скрипач.

Она не ответила. Димитрий подбросил в костер сушняка. Пламя поднялось, стало лизать бока кастрюли с шурпой и ведро с черобоем. Я без всякого аппетита жевал подгоревший шашлык... Едва был сделан последний глоток шурпы — Дина ни к ней, ни к черобоею не прикоснулась, — она схватила меня за руку и, притянув к себе, зашептала:

— Я впрямь боюсь. Давай уйдем отсюда!

Все, что только что говорил Скрипач, было симпатично и симптоматично. И я подумал, что моему другу надо учиться. Будет учиться, и весь этот вакуум, который он заполняет сейчас своими умопостроениями, заполнится научными представлениями. Он бы мог стать ученым, природоведом или как там их называют. Ученый с добрым сердцем это всегда здорово. Это основа гуманизма...

— Мы, конечно, тут малость того, одичали,— покашливая, извиняющимся тоном начал Димитрий.— Так, на всякий случай, видно, думают внизу. Вот и обнаглели. Завтра же отправляюсь, доставлю акт о покраже земли. Не посмотрю, что Няяцько для меня как родной сын.

— А как же с охотой, Корнилыч? Будем продолжать? Привезет Большой лицензию, и гайда? Все можно?!

— Не все же сразу. Большой тебе не Няяцько, Сима!

— Это полумеры, Корнилыч. Рубить — так сразу все трухлявое дерево. От него же гниль идет вокруг...

— Утро мудренее. Я пока что сам во всем виноватый,— неопределенно закруглил Димитрий и поднялся.

— Знаете,— принял уловку лесничего Серафим,— не Безгубого мотоцикл я тогда у Родникового камня слышал. Весной. Это был другой мотоцикл, который только что мы слышали...

— Выходит, кто-то другой браконьерит? — снова опустился на бревно Димитрий.

— Вот я и думаю, что так оно и выходит,— продолжал Скрипач.— И увозится косуля по Дороге Старшего...

— Так там же не пробиться! — Димитрий снова поднялся.

— Выходит, пробивается кто-то. Приловчился как-то.

— Подгоняется второй мотоцикл к Родниковому камню,— начал Писака.

— Именно — второй, но к Родниковому не подгоняется,— возразил Серафим.

— Безгубый для отвода глаз катается. Загрузит коляску тушенкой и катается тут, а второй убивает и увозит.

— А кто же тогда летает? — не удержалась Дина.

— Я думаю, это мираж. Это показалось... Я сам видел: бывает по утрам, когда нет ветра,— произнес раздумчиво егерь.— Раз по утрам бывает, то и по вечерам возможно такое...

— Утро мудренее,— заключил Димитрий и пошел к дому. Вдруг остановился.— Я чего все время еще хочу обговорить. Ты,— Писака понял, что к нему обращается лесничий,— ты вроде парень добрый. Мы тут все тебя уважаем... Ты это,— Писака снова почувствовал, о чем дальше сказано будет,— с девчонкой... Ну чтобы все как бы это... Ну сам понимаешь... Она мне... Сначала думал, что она к Симе прибилась, а теперь, вижу, что к тебе... Смотрите мне, слышь, Дина?! В лесу все должно быть по-честному. В нашем лесу все должно по-честному. За то мы с егерем тут боремся...

Я обнял ее за плечи. Она по-прежнему дрожала. Мы пошли к сеновалу. Димитрий гасил костер, заливая его остатками шурпы и черобоя. Огонь несогласно шипел. Над сеновалом, который вырисовывался на фоне посветлевшего слегка неба, носились светляки. В тисовой роще кричала сова...

Лестница была на месте.

— Я предлагаю,— когда мы взобрались наверх, решительно сказала Дина,— втащить лестницу сюда.

Лестницу мы втащили. Она лежала между нами. Но не казалась нам непреодолимой преградой...

— Ну что ты мне обещала растолковать? — прошептал я.

— У меня поменялось за это время мнение. Я полагала, что

Полина умеет летать... Я мучилась этим предположением... Ведь было бы очень несправедливо, правда, милый, чтобы человек такой необыкновенный дар природы направил бы против нее?

Я согласно кивнул. Она подняла голову.

— Но потом я вспомнила, как Полина испугался... Это было в «ресторане «Ландыш». Я предложила ему полетать. Мне хотелось, чтобы он стал другим... А он ударил меня вот сюда.— Дина взяла мою руку и положила себе на грудь...

— Что случилось, Дина? — спросил я.

— Дорогой, где твой перстень? — потерянно спросила она.

— На руке, — ответил я и тут же понял, что палец, на котором должен был быть перстень, пуст.

— Ты потерял его, — испуганно прошептала она и тут же поправилась: — Мы потеряли его...

Я молчал. Мне было жалко перстня. Очень. Не только потому, что он стоил каких-то немалых денег, а потому, что это было единственное, что оставила мне жена...

— Тебе подарила его жена... Это память? А я... Это я... Это из-за меня ты потерял его.

Настроение мое окончательно испортилось. Но, собрав остатки оптимизма, я привлек Дину к себе и сказал:

— Не горюй, девочка, при чем здесь ты...

Она сразу же как-то неожиданно успокоилась... Положила свою невесомую с блестящими точками зрачков головку мне на сердце, и мне вдруг показалось, что это лежит у меня на груди жена. Мне показалось, что она вернулась, нисколько не повзрослевшая. Такой девочкой, какой ушла... улетела от меня... Именно улетела.

— Твоя жена, надеюсь, не умерла? — обеспокоенно вдруг спросила Дина.

— Она улетела...

— Улетела?! Она умела летать?!

— Она улетела на дельтаплане. Искали почти месяц... в горах. А я уверен, что надо было в море...

— Ты ее очень любил?

— Больше жизни...

— Ты ее и сейчас любишь, коль так сказал...

— Увы, нельзя любить того, кого нет...

— Тогда полюби меня, пожалуйста, пусть не так сильно, как ее, но... Мне так хочется, чтобы все это было и в моей жизни.

— А я тебя, по-моему, уже люблю...

— Правда? Ты уверен?..

— Почти что,— ответил я.

— Ты так сказал... неопределенно... Это потому, что ты любишь ее.

Мне стало не по себе. Я вдруг пожалел о том, что произошло. И она сразу это поняла.

— Милый, я знала, что все так и случится. Я всегда знаю, что меня ждет. Не думай, что я огорчена. Ну и что с того, что ты любишь ее? Довольно мне и того, что я счастлива... Я не стану тебе докучать, вот увидишь... Когда ты полюбишь меня, я вернусь... Не говори сейчас ничего... Все, что ты хочешь сказать мне, будет неправда. Хорошая неправда, а все же неправда... Я всегда боюсь радоваться. Боюсь предчувствия счастья.

— Хорошо,— согласился я.— Пора и в самом деле спускаться на землю. Поищем, как развиднеется, перстень и пойдем...

Она замолчала надолго. И мне показалось, что она обижается за то, что я снова заговорил о перстне. Еще подумает, что я из жадности.

— Пойми, я должен что-то предпринять. Я обязан хотя бы попытаться его поискать.— Я поднялся на локтях, сел, стал шарить вокруг себя.

— Не надо, милый. Лежи спокойно, если кольцо потерялось тут, лучше не ворошить сено. А то так еще хуже получится, оно еще дальше затеряется.

— Твоя правда,— вздохнул я и замер.

— Не переживай. Найдется кольцо...— Она приникла ко мне и прошептала: — Ты не будешь смеяться?

— Будет что-то смешное?

— Может быть, самую малость — смешное...

— Ну если самую малость, постараюсь не смеяться...

— Я посвятила тебе стихи.

— Спасибо...

— Нет, нет! За такое не благодарят... Нельзя! Забирай слова обратно...

— Забираю свои слова обратно.

— Надо еще дважды повторить то, что сказал сейчас...

— Забираю свои слова обратно, забираю свои слова обратно...

— А теперь слушай. Только внимательно, второй раз прочитать духу не хватит.

Попрощайся с горькими обидами.
Чудом ты избавился от них.
Некто очень добрый и невидимый
О тебе подумал в этот миг.
И совсем неожиданно и нечаянно,
Между пробуждением и сном,
Холодок колечка обручального
Ты на пальце ощутишь своим...

Господи, как твое сердце колотится, милый?

Мне впрямь стало не по себе. Нет, я не испугался. Другое. Почувствовал я в ее словах какую-то недоступную мне истину. Непостижимое же потрясает.

— Успокойся, я ведь пока с тобой...— Она говорила рядом, а мне казалось, голос ее доносится ко мне издалека, словно по телефону.— А перстень, вот увидишь, теперь найдется. Я его попросила...

— Кого?

— Домового...

— Интересно, как?

— Я ему сказала... Вернее, я просто сказала, ни к кому не обращаясь: верни, пожалуйста, ему п а м я т ь!

— И все?

— А больше и не надо...

После этих слов Дина уснула. Сразу, как мне показалось, мгновенно. Засыпала она под тихое ржанье Мустанга, который, видимо, пришел к сеновалу полакомиться прошлогодним сеном...

— А насчет перстня не переживай,— вдруг слабым голосом спящего человека пробормотала Дина,— он согласился отыскать колечко...

Чеужели она любит меня?

Безгубый спал беспокойно. Пришедшая под вечер группа туристов до полуночи праздновала чей-то день рождения. Приглашали и его. Но он отказался. Лежал на жестком топчане, уставившись в играющий бликами костра потолок палатки, и думал о том, что наконец он посчитался с Большим. Думал, что Большой сейчас тоже не спит. Ворочается, думает, как ему завтра подкатиться к Димитрию, как ему ублажить Димитрия. Он хорошо знает, что старик может запринципиальничать... Это и радовало Безгубого. Глушило голоса веселящихся туристов и тихую, словно только зарождающуюся зубную боль, тревогу...

Горный мираж

Который час?

Посмотрел на внушительный изумруд циферблата.

И четырех нет. Не уснуть... Когда не спится, надобно думать. Что же пришло в голову? Не хочется сегодня идти. Не хочется? Просто лень. Пойдешь, ведь полдела сделано... Получилось бы только! Сорваться может по двум причинам: не придут или кто-нибудь помешает. Народу на яйле толчется! Еще заповедник называется... Сколько раз указывали Димитрию, мол, порядка нет на Тисовом кордоне. А ему все эти разговоры до феньки... Партизан! Кто его снимет?! Вряд ли рискнут...

Пора все же подниматься...

Нашарил спортивный шерстяной костюм. Чуть слышно вжикнули «молнии» на воротах и у щиколоток. Достал из-под топчана ботинки. Тщательно перешнуровал. Беззвучно вышел. Лагерь спал. Из палатки напротив раздавался храп. Поприседал. Вернулся в палатку, снял со стены гитару в деревянном чехле... Вышел, отстегнул собравший обильную росу полог коляски, положил гитару в коляску, застегнул полог. Приналег на руль, сдвинул мотоцикл с места и покатил — легко, неторопливо. Далеко позади остался лагерь, а он все толкал тяжелый «Урал» и, кажется, не чувствовал усталости. Перед спуском к Родниковому камню сел на угол коляски. Достал из багажника пачку «Космоса», распечатал. Долго разминал тугую сигарету, чиркнул

спичкой, глубоко затаился. Легко стронул мотоцикл, лихо запрыгнул в седло, не включая мотора, покатил к Родниковому камню. Когда «Урал» был тщательно замаскирован в густом орешнике, взял гитару за ремень и пошел обратной дорогой до пригорка. От пригорка круто взял в сторону и вскоре оказался на нижнем отроге Заманы под деревом, как раз напротив Родникового камня.

Небритый в эту ночь глаз не сомкнул. Сначала ему казалось, что он мерзнет. Он толкнулся в неплотно прикрытую дверь, очутился в сенцах. Хорошо было слышно, как тонко посвистывает Димитрий, словно чайник, когда варят в нем траву. Серафим спит молча. Но Небритый слышит, как спит Серафим. Слышит и понимает, почему сам не может уснуть. Серафим спит. Он много ходил днем. А когда сидел у костра, ел мало. Только пил горячую воду, пахнущую травой. Дал Небритому мяска. Вкусное, хоть и пахло дымом. Такое когда-то Небритый уже ел. Давно, до того, как нашелся Серафим. И Димитрий давал Небритому вкусное... Пускай спят. А Небритый и днем выспится, а пока посидит в сенцах... Все спят, а Небритый смотрит и слушает. Надо только слегка притаиться, выпустить язык, дышать потише... На сеновале кто-то проснулся. Вздыхает, сухою травой шуршит. Громко трава сухая шуршит... Может Небритый и до Родникового камня слышать. Это труднее. Надо затаить дыхание, едва дышать. Так долго не выдержишь, но все же, если надо, можно и потерпеть. Вот так. И слышно... У Родникового камня кто-то ветками лещины шумнул. Запахло машинами. Крепкие каблуки пошли, пошли, пошли и не стали слышны...

Небритый слушает. В доме свистит Димитрий, на другой бок перевернулся и застонал Серафим. Больно? Ему больно? Ноги болят. Он много днем ходит. Как придет, снимает ботинки, ноги белые, пахнут болью... И гудят, гудят, как шмели. Небритый слушает. Во дворе: нет, это, конечно, не каблуки. Это Муся топчет, снова пришел к сеновалу. Фырчит. Он всегда фырчит, когда переживает. И чего ему, коню-то, еще надо?

Серафим Небритого любит. Димитрий Небритого не бранит.

На сеновале кто-то не спит. Как громко шумит сухая трава. Прямо гремит на всю яйлу... А теперь стихла. Наверное, она. Она такая смешная. От нее и пахнет как-то смешно. Всегда хочется подойти и полизать ей пятку. Вдыхает. Сама лизнула Небритого в нос. Небритый видел, как лизала в щеку того, кто с нею на сеновале... Тоже спит молча. Не слышать, как спит. Она двигается тихо. Небритый догадался, что она не хочет Его разбудить. Когда Серафим поднимается рано, он тоже проходит очень тихо, но Небритый все равно знает, что Серафим уже на ногах. Небритому тоже хочется пойти за хозяином, но хозяин не зовет его с собой. Наверное, потому, что рано утром трава мокрая и холодная. Не хочет хозяин, чтобы Небритый продрог... Муся снова фырчит. Она уже на земле, Муся фырчит. Что такое?! Муся на нее фырчит?! Надо глянуть. Небритый выкатывается из сенцев. Трава уже мокрая. Небритый потрусил к сеновалу. Поздоровался с Мусей. Тот же только покосился на Небритого. Не ответил. Небритый хотел было обидеться, но передумал. Он вдруг почувствовал, что Муся очень взволнован. Муся даже очень занят. Он не пускает ее. Она хочет идти со двора, а Муся заступает дорогу. Небритый хотел спросить, зачем он так поступает, но тоже передумал, потому что увидел в глазах Муси две капли. Они большие и мешают Мусе глядеть. Небритый знает: если такие капли появляются, то смотреть совсем невозможно. И дышать невозможно.

— Ну что ты, Муся? — Дина протянула руки к стоящему перед ней Мустангу. Он тихонько заржал. Потянулся мордой к ее ладоням. Дина почувствовала мягкое, нежное прикосновение. В этом прикосновении была мольба и безысходность. Дина отняла руки и юркнула в калитку, от которой нечаянно отступил Мустанг. Конь отчаянно заржал, заметался по двору, выскочил в калитку вслед за девушкой. Вскоре его топот затих где-то по ту сторону Родникового камня.

Конь отчаянно заржал, заметался по двору... Димитрий перестал свистеть. Через мгновение оторвал голову от жесткой, набитой чебрецом подушки... Что это Мусю могло потревожить?

Прислушался к улетающему в сторону Малиновой балки топоту. Лесничий накинул овчину, сунул ноги в сапоги, кряхтя и зевая, выскочил на улицу. Перед калиткой стоял Небритый, лаял вслед затихающему топоту копыт. Увидев Дмитрия, Небритый бросился к нему, стал на задние лапы, а передними обнял Дмитрия за ногу. Смотрел снизу вверх вопросительно. Потом понял, что Дмитрий не знает, как ему поступить, схватил его за штанину и дернул, мол, давай, за мной пошли, побежали, да поскорее...

Дмитрий вернулся в дом, сдернул со стены ружье, достал из-под набитой чебрецом подушки патронташ. В это время Небритый разбудил Серафима. Тот, ничего не спрашивая, одевался быстро. Небритый не мешал ему. Он терпеливо ждал в сенцах. А когда они вышли, повел со двора, но не к Родниковому камню, а мимо и стороной. К тому самому пригорку, откуда час назад скатился мотоцикл Безгубого. У зарослей орешника Небритый остановился. Дмитрий шагнул к ним, раздвинул ветки. Сказал:

— Я остаюсь тут, а ты шагай на ту сторону. Возьми ружье...

Серафим отмахнулся...

— Возьми ружье, говорю! Они бьют оттудова, из-под дерева. Бить боле неоткуда... Ты их с тыла и прикнопишь. А я отсюда шумну. Они же все равно сюда кинутся...

Серафим, досадуя на себя, что не подумал о ружье, все же не взял двустволку Дмитрия. Небритый было кинулся вслед хозяину. Но Серафим приказал ему оставаться с Дмитрием. Небритый молча отвернулся от Серафима. Вздохнул и растянулся у ног лесничего.

Опустив гитару с плеча, он припал к отсыревшей коре старого букового дерева и замер. В глубине Малиновой балки беззвучно ворочалось что-то бесплотное-огромное. Было видно, как нечто, сначала серое, но постепенно светлеющее, вползло из долины в Малиновую балку. Минут через сорок туман будет здесь. Если за это время они не появятся, можно сворачиваться. Туман что молоко: заполнит балку до краев. Однажды так было. Опоздал малость. Пока поднимался, пока восстанавливал дыхание, туман и навалился. Они рядом, были видны как на

ладони еще мгновение назад. Пришлось слушать: ток, ток, ток... Надо же! Странное чувство испытал. Словно не копытца косуль слышатся в ущелье, а сердце стучит. Ток, ток, ток... Будто Родниковый камень и не камень вовсе, а что-то большое, живое.

Полина вздрогнул и оглянулся. Со стороны Плоской яйлы доносился топот копыт. Конь шел наметом. Полина прижался к холодному стволу дерева и стал пристально всматриваться в светлеющую даль. Топот стих так же неожиданно, как возник. Донеслось тихое ржанье. Успокоившись, Полина снова устроился на Родниковый камень, который с каждым мгновением все больше светлел. Полина знал: как только солнечный луч коснется верхушки камня, со стороны леса послышится знакомое «ток, ток, ток...». Осталось совсем недолго. Полина открыл футляр, вынул из него складной лук. Развернул его; лук был небольшой, с мощной, из конского волоса, тетивой. Он состоял из пяти склеенных сваренным из копыт косули клеем пластин. Полина достал тяжелую стрелу ясеневого дерева. В гитарном чехле их было еще четыре. Брал их столько Полина просто на всякий случай. Редко приходилось пускать более двух стрел. Бил Полина лишь ту косулю, которая стояла с открытой грудью.

Туман уже облизывал края Родникового камня. И чем больше камень погружался в туман, тем, казалось, мягче и объемнее становились его очертания. Родниковый камень медленно увеличивался в размерах. Еще немного, и он своим ближним краем сползет в ручей... Если от основания до середины камень уже был размыт туманом, то верхушка, плоская, как табурет, ждала первого солнечного луча. Ждал его и Полина. И напрасно. Звонкие капли, так напоминающие стук изящных косульих копыт, прозвучали на каменной тропе значительно раньше, нежели солнце глянуло на плоскую вершину Родникового камня. Полина поднял оружие дрогнувшей рукой. Столь неожиданно было появление великолепной косули на том самом камне, с которого он снял накануне вожака. Полина подумал, целясь в открытую грудь красавицы, что это, видимо, отбившаяся от стада молодая косуля. Стадо появится позже. Успею эту, значит, еще одну завалю себе — давно косулятинкой не баловался. Да и шкурку просили... И еще подумал: какая красавица, просто чудо! Отпуская

стрелу, сразу почувствовал, что промахнулся. Стрела вонзилась в галечную отмель у самых ног косули. Полина судорожно нашарил вторую стрелу и встретился с глазами косули. Всего пятнадцать метров разделяли их. Она смотрела снизу вверх. Такие глаза и так однажды уже глядели на него снизу вверх. Полина глотнул воздуха, затаил дыхание, и стрела снова пошла мимо. Отпуская тетиву в первый свой промах, Полина чувствовал легкий толчок в локоть. Но тогда ему показалось, что просто рука дрогнула. Во второй раз толчок был более ощутим. Полина резко оглянулся, выпрямился и уронил оружие. Лук спружинил и, гремя, полетел вниз...

Рядом с Полиной никого не было. Уже никого не было. Но Полина успел увидеть. Что? Он так и не успел осознать. Он успел лишь выронить оружие и отступить назад. Будь позади него хотя бы четверть метра тверди, Полина бы наверняка осознал увиденное. Но этих спасительных сантиметров не оказалось. Полина сорвался вниз. И пока летел спиной вниз, успел увидеть, как со скалы сверху на него смотрит лошадь. «Му-у-у-ся-я!» — успел выдохнуть Полина и, инстинктивно сгруппировавшись уже перед самой землей, повернулся лицом к двум стрелам, наполовину торчащим из отмели...

— Гля, Няятко, ты посмотри! Что это?

Подремывавший на заднем сиденье голубой «Волги», без труда взбирающейся на Заману Дорогой Младшего Брата, Большой изумленно показывал в сторону Малиновой балки. В розовом свете проклюнувшегося солнца туман стал выплескиваться за края ущелья. Белый, густой, словно кудель, он тянулся к синеве неба. И на его тонкой, словно бы выдутой из мыльной пены поверхности трепетал и рос медленно плывущий силуэт.

— Наваждение какое-то! — не унимался Большой...

— Да это, как его, — остановив машину, пытался объяснить Няятко. — Ну об этом еще недавно в газетах писали... Броде горного миража, что ли... Где-то что-то движется, совсем, может быть, далеко, а туман увеличивает и с собой поднимает тень...

Няятко вышел из машины, с хрустом в позвонках потянулся... Посмотрел вниз и увидел в расветной дымке город... Он

смотрел на рассыпанные в долине окраинные домишки и дальше, где, не больше спичечных коробков, белели современные многоэтажные дома, видел улицы, словно ниточки, пронизавшие город во всех направлениях, и почему-то вспомнил отца. Он плохо помнил его. Ему всегда, особенно в детстве, было обидно сознавать, что отца нет и что он с отцом никогда и не говорил ни о чем... Потому Няятько и тянулся к Димитрию. Потому и стремился сюда, на эту гору... Так думалось Няятько сейчас. Впервые за все время он так подумал... А потом представил себе предстоящую встречу с Димитрием, и ему впервые за все время вдруг расхотелось подниматься на кордон. Он с неприязнью поглядел на сидевшего в машине Большого. Ему что, не он ведь посылал машину. Выходит, Няятько главный закоперщик! А он, Большой, едет сейчас к Димитрию как защитник Няятько, как его адвокат. Вроде Няятько нужна была эта земля... Ловкий, однако, этот Большой... Послать бы его подальше... Няятько подумал так и вздохнул. Знал, что сил послать Большого нет. Силы воли нет. Вернулся к машине. Еще раз глянул на город, влез, сел за руль, запустил двигатель. «Волга» плавно тронулась и понеслась дальше, к Тисовому кордону.

— А вообще жуткое зрелище, этот мираж... — попыхивая папиросой, заключил Большой.

Няятько кивнул. Большой поглядел на него, потом на дорогу впереди.

— Седеешь ты, Няятько, не по дням, а по часам. Я тебя старше лет, наверное, на пятнадцать, а не седею...

— Жизнь у меня беспокойная, — вздохнул Няятько.

— Да, придется и мне сегодня попсиховать. И надо же так обмишулиться.

Няятько снова вздохнул и вдруг вскрикнул:

— Гляди, гляди! — Он указывал в сторону Малиновой балки, Большой не успел сориентироваться, машина вскочила в тисовую рощу...

— Чего гляди?

— Да все тот же мираж...

— Да ну его к бису, твой мираж. Ты лучше думай, как будем уговаривать Димитрия, чтобы акт не посылал...

— Знаете, я сейчас поглядел на город, сверху он хорошо виден. Светлый такой, чистый, вроде нет в нем мусора, просто игрушечный. Домишки такие отсюда маленькие... Я огромный вроде, а там все маленькое... Может, поэтому и тянет в горы, чтобы сверху поглядеть на землю и почувствовать, за что любишь все это... Может, батяка мой тоже вот из-за этого в горы с Дмитрием пошел тогда. За это и партизанил, за это и остался тут...

— Ну ты просто лирик... Это у тебя, видать, от Писаки... Вроде и не друзья вы с ним... Когда это успел?.. Вытрэбэньки-нэньки... Что Дмитрию скажешь?

— Я, что ли, должен говорить Дмитрию?

— Ты начнешь, а я продолжу...

— Что скажу?! — Нятыко крепче сжал баранку.— А скажу просто: Дмитрий Корнилыч, скотина я безрогая, и делай со мной что хочешь... Потому что пользовался я твоей добротой по-свински...

— Опять беллетристика. Ты что? Так с ним нельзя. Сразу же инициативу перехватит...

— И пусть! Надоело человека дурить...

— Да ты понимаешь, что ты городишь? — заворочался Большой. Приблизился, дышит Нятыко в затылок.

А Нятыко и рад, что не может ему Большой в глаза посмотреть. Посмотрел бы, может, Нятыко и не стал бы дальше так с ним говорить.

— Так и скажу...

— Тогда поворачивай назад,— раздраженно заявил Большой...— Я не участвую в этом деле...

— Нет уж, поехали. Придется поучаствовать. Тебе ведь земля понадобилась. Ты и отвечай!

— Так, значит, оборачивается дело. Когда тебе запчасти нужны, приползаешь: у вас, мол, друзья, связи, помогите. А как мне помочь, так сразу же на «ты»... Поворачивай, кому сказано...

— Нет уж! Я тебе не извозчик. Вези, поворачивай... Да и приехали уже...

— Та-ак! К пропасти везешь?! Молодец, молодец... Ну ничего, поглядим, кто кого столкнет... Поглядим...

В розовом свете проклюнувшегося солнца туман выплескивался за края Малиновой балки. Белый и густой, словно кудель, он тянулся к небу. И на его тонкой, словно выдутой из мыла, поверхности трепетал и разрастался медленно плывущий силуэт...

— Какая красавица, просто чудо! — пробормотал Серафим. Наклонился, потрепал Небритого по кудлатой голове. Но тот вдруг жалобно заскулил и обеспокоенно прижался к ноге хозяина.

Серафим поднял валявшийся у ног деревянный гитарный футляр, хотел было захлопнуть, но, вспомнив, что делать этого не надо бы, опустил его на место. В пустом и просторном футляре гремели три тяжелые ясеневые стрелы. Как же он спускался? Прыгнуть на отмель с десятиметровой стены не шутка.

Серафим глядел вниз, где у самой воды лежал Безгубый и рядом стоял в раздумье Димитрий. Правда, он альпинист, может, как-то спускался на ветку? Метра два до нее, если повиснуть вот на этом вылезшем из почвы корневище... Значит, он повисал и опускался на ветку, там вон и кора сбита. Без тренировки, конечно, не попасть на нее, можно и промахнуться... Тренировался Полина и дотренировался... Что же, пора вызывать милицию!

Серафим повис на выпирающем над пропастью корневище и отпустил руки. Летел мгновенье. Когда ноги коснулись ствола торчащей из стены ветви, согнул их в коленях. Ветка спружинила. Погасила скорость падения. Серафим, оттолкнувшись от нее, спрыгнул на отмель.

— Как видишь, разбиться тут практически невозможно, — сказал, поднимаясь, Серафим. Димитрий не сразу ответил. Пожевал потемневшими губами, почесал в затылке и сказал скучно:

— Он бы ни за что не убился, если бы не наткнулся на стрелы...

Я проснулся оттого, что у меня замерз бок. Еще не открывая глаз, не шевелясь, я понял, что Дины нет. Почувствовал и сразу — к выходу. Лестница стояла на месте. Ступив на первую перекладину, я невольно замер, вдыхая свежий подоблачный воздух. А когда повернулся к Малиновой балке...

Косуля уходила от Родникового камня. Она почти что летела. И пока удалялась, я глядел на нее с нарастающей тревогой, пока почти размытыми очертаниями своими она мне не напомнила Дину..

— Ди-и-ина-а-а! — закричал я в отчаянии. И еще раз: — Ди-и-ина-а!

Потом еще, и еще, и еще не помню сколько раз. Так отчаянно и так громко я в своей жизни никогда не кричал. Я кричал и смотрел вдаль, до боли, до рези в глазах, до слез, пока не свалился с лестницы...

Большой и Нятыко подкатили на своей голубой «Волге», когда Писака стоял посреди двора, баюкая в правой руке свою словно бы тяжело пораненную левую руку, на безымянном пальце которой светил, окованный черненым серебром, светлый, как трава на яйле, треугольный камень.

Из ущелья доносился прозрачный, словно родниковая вода, голосок малиновки.

Валерий Владимирович МИТРОХИН

ЗАМАНА

Ответственный за выпуск С. Лыкошин

Редактор Л. Левина

Художественный редактор Г. Комаров

Технический редактор Н. Александрова

Корректоры В. Назарова, В. Авдеева

Сдано в набор 05.07.83. Подписано в печать 05.11.83. А 00245. Формат 70×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Школьная». Печать высокая. Усл. печ. л. 4,2. Уч-изд. л. 5,1. Тираж 75 000 экз. Цена 35 коп. Издат. № 1197. Заказ № 3—369.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства: 103030, Москва, К-30, Сущевская ул., 21.

Полиграфкомбинат ордена «Знак Почета» издательства ЦК ЛКСМУ «Молодь». Адрес полиграфкомбината: 252119, Киев-119, Пархоменко, 38—42.

35 коп.

Молодая гвардия

